ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 10 (62)
6 МАРТА 1943 г.
ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО
Цена 45 коп.

В Отечественной войне советская женщина стоит в рядах активных борцов против немецко-фашистских извергов. Никогда еще во всей прошлой истории женщина не участвовала так самоотверженно в защите своей Родины, как теперь, в Великой освободительной войне нашего народа.

(Из постановления ЦК ВКП(б) о Международном коммунистическом женском дне — 8 марта).

О международном коммунистическом женском дне — 8 марта

Постановление ЦК ВКП(б)

Международный коммунистический женский день в текущем году советские женщины встречают в решающий момент Отечественной войны против гитлеровской Германии и ее прислужников. Более трех месяцев продолжается успешное наступление наших войск. Красная Армия под руководством Верховного Главнокомандующего товарища Сталина нанесла ряд сокрушительных ударов по немецко-фашистским войскам и заложила прочный фундамент для победы над врагом. От немецких захватчиков освобождены десятки городов и многие тысячи сел и деревень. Началось массовое изгнание врага из Советской страны.

В Отечественной войне советская женщина стоит в рядах активных борцов против немецко-фашистских извергов. Никогда ещё во всей прошлой истории женщина не участвовала так самоотверженно в защите своей Родины, как теперь, в Великой освободительной войне нашего народа.

Советской женщине есть что защищать!

Советская власть принесла трудящейся женщине полное и действительное равноправие во всех областях жизни. Она привлекла женщин к участию в управлении государством, создала все условия для свободного творческого труда и счастливого материнства.

Немецко-фашистские разбойники угрожают жизни, свободе и независимости нашего народа, всем историческим завоеваниям трудящейся женщины. Во временно захваченных советских районах гитлеровцы чинят неслыханные злодеяния, истребляют мирное население, насилуют женщин и девушек, истязают и убивают детей. Сотни тысяч советских женщин фашистские поработители угнали на тяжёлые каторжные работы в Германию.

Гневным гневом и великой ненавистью к немецко-фашистским подлецам наполнены сердца трудящихся женщин нашей страны. Вместе со всем народом поднялись они на защиту свободы и независимости своей Родины от подлого врага. В тылу и на фронте советские патриотки показывают образцы героизма и беззаветной преданности Родине, большевистской партии, товарищу Сталину.

Во время Отечественной войны неизмеримо возросла роль женщин в общественном производстве. Самоотверженным трудом миллионы женщин, работающие на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах, обеспечивают бесперебойное снабжение фронта вооружением, боеприпасами и продовольствием. Тысячи женщин руководят заводами, фабриками, учреждениями. Сотни тысяч женщин и девушек, овладев сложными профессиями, заменили мужчин, ушедших на фронт. Особенно возросла роль женщины в сельском хозяйстве. На плечи колхозниц легла сейчас основная тяжесть колхозного производства. Десятки тысяч женщин стоят во главе колхозов, работают бригадирами, звеньевыми, заведующими животноводческими фермами, агрономами.

Советские женщины и девушки в рядах доблестной Красной Армии и в партизанских отрядах самоотверженно борются против немецких захватчиков, с честью несут службу санитаров, медсестёр, врачей, связистов, снайперов, службу в частях противовоздушной обороны. За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом отвагу и геройство многим славным советским женщинам присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Тысячи женщин — участниц великой освободительной войны за смелость и отвагу награждены орденами и медалями Советского Союза. Советские женщины окружают вниманием и заботой раненых, организуют сбор подарков и тёплых вещей для Красной Армии, активно участвуют в сборе средств на постройку самолетов и танков, проявляют материнскую заботу о семьях фронтовиков, берут на воспитание в свои семьи осиротевших детей. Десятки тысяч советских женщин дают свою кровь для спасения жизней раненых бойцов.

ЦК ВКП(б) предлагает всем партийным организациям провести Международный женский день 8 марта, как широкую массово-политическую кампанию.

В настоящий решающий момент Отечественной войны от советского народа и от советских женщин требуется ещё большее напряжение всех сил для разгрома врага. Красная Армия продолжает вести наступательные бои, изгонять немцев из Советской страны. Но враг ещё силен, он яростно сопротивляется. Борьба против гитлеровской Германии потребует ещё времени, жертв, напряжения наших сил и мобилизации всех наших возможностей.

Надо полностью мобилизовать все резервы женского труда. Самоотверженный труд — священный долг каждой советской женщины и девушки. Нужно ещё шире развернуть производственное обучение женщин и выдвижение передовых работниц в колхозниц на руководящую работу. Партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации должны всемерно заботиться о бытовых нуждах женщин, занятых в общественном производстве, ибо от этого зависит успех дальнейшего вовлечения женщин в производство и производительность их труда. Партийные, комсомольские и профсоюзные организации должны уделить самое серьёзное внимание политическому воспитанию женщин, в особенности вновь пришедших на производство.

Женщины — работницы, инженеры, техники! Давайте наступающей Красной Армии ещё больше танков, самолётов, орудий, пулемётов, винтовок, боеприпасов, обмундирования! Увеличивайте выплавку металла, добычу угля, производство электроэнергии. В совершенстве овладевайте техникой своего дела и непрестанно повышайте производительность труда.

Женщины-железнодорожницы! Быстрее продвигайте поезда с вооружением, боеприпасами и продовольствием для фронта. Помогайте Красной Армии громить немецко-фашистских захватчиков! Боритесь за бесперебойную, четкую работу железных дорог! Овладевайте техникой железнодорожного транспорта!

Женщины—колхозницы, работницы МТС и совхозов! От вашей работы на полях зависит теперь снабжение Красной Армии и тыла продовольствием. Вы решаете сейчас успех весеннего сева. Обеспечьте получение в 1943 году высокого урожая. Всё для фронта, всё для победы!

Женщины — связистки, снайперы и все участницы Отечественной войны! Неустанно совершенствуйте боевую выучку! Всемерно улучшайте дело связи Красной Армии, учитесь метко стрелять! Всеми силами содействуйте успеху наступления наших войск! Беспощадно истребляйте гитлеровских захватчиков!

Женщины — санитарки, медсестры, врачи! Оказывайте неотложную помощь раненым на передовых позициях, выносите с поля боя раненых бойцов и командиров с их оружием, окружайте вниманием и заботой бойцов и командиров, находящихся на излечении в госпиталях! Помните, что от вашей работы зависит жизнь и возвращение в строй раненых советских воинов!

Женщины и девушки! В совершенстве овладевайте военными специальностями! Учитесь метко стрелять. Изучайте дело противовоздушной и противохимической обороны, санитарное дело, связь. Обеспечьте уход за ранеными, проявляйте материнскую заботу о семьях фронтовиков! Возьмите на себя заботу о детях-сиротах, пусть ни один осиротевший ребенок не останется без материнской ласки.

Женщины и девушки городов и сёл, освобождённых от немецких оккупантов! Быстрее восстанавливайте промышленность, сельское хозяйство, школы, библиотеки, больницы и пекарни. Налаживайте нормальную жизнь городов и сёл!

Женщины и девушки советских районов, временно захваченных врагом! Близится час вашего освобождения! Помогайте партизанским отрядам беспощадно истреблять гитлеровских мерзавцев, не давайте отступающему врагу сжигать и грабить города и сёла!

Женщины-партизанки! Всеми силами, всеми средствами помогайте наступающей Красной Армии! Шире раздувайте пламя партизанской борьбы в тылу врага! Самоотверженно выполняйте боевые задания партизанских отрядов! Срывайте переброску неприятельских войск, подвоз оружия и боеприпасов, поджигайте вражеские склады врага! Неустанно овладевайте военным делом! Преследуйте и уничтожайте немецких захватчиков на каждом шагу!

ЦК ВКП(б) приветствует работниц, колхозниц, женщин интеллигентного труда, санитарок, медсестёр, врачей, связисток, славных партизанок, всех трудящихся женщин Советского Союза в Международный коммунистический женский день и выражает твердую уверенность в том, что советские женщины в решающий момент Отечественной войны отдадут все силы на дело полного разгрома немецких захватчиков.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков).

«Сталинград наш». Пастель Д. ШМАРИНОВА.
Выставка «Красная Армия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками».

Советские патриотки на экране

К Международному коммунистическому женскому дню 8 марта Центральная студия кинохроники выпускает Союзкиножурнал № 15, в котором будут показаны славные дела советских патриоток на фронте и в тылу.

Зритель увидит отважную дочь партизана Аню Карпенко — санитарного инструктора, вынесшую с поля боя 22 раненых бойцов с их оружием. За героизм правительство наградило бесстрашную девушку орденом Ленина. Операторы засняли Аню Карпенко во время боя.

Оператор Ирина Кесаткина засняла на крупном оборонном заводе 17-летнюю девушку-токаря Галю Опенько. Вместе с заводом она эвакуировалась из родной Украины на восток. В фашистской неволе томится ее отец.

В подарок Красной Армии Галя изготовляет сверх плана 1000 артиллерийских снарядов. В письме к артиллеристам девушка просит скорее гнать врага из Украины.

Монтирует киножурнал режиссер Н. Копылин.

ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЬНИЦ

В клубах, домах культуры, школах и на крупнейших предприятиях столицы широко отмечается Международный женский день.

В Центральном доме культуры железнодорожников сегодня выступят с чтением своих произведений писательницы А. Барто, Н. Кальма и Н. Кончовская.

Вечера состоятся также в Бауманском доме культуры и в клубе Кировского райкома ВКП(б) «Красный луч». На этих вечерах выступят В. Звягинцева и Н. Комовская.

8 марта в Московском клубе писателей состоится вечер, посвящённый Международному женскому дню.

В Доме кино 8 марта выступят со своими произведениями советские писательницы.

Музыкальная жизнь Урала

СВЕРДЛОВСК. (От наш. корр.). Художественный руководитель Свердловской Филармонии Л. Христиансен сообщил нашему корреспонденту:

— В течение 1942 года Филармонией было дано 4.921 концерт и 1.144 концерта в частях Красной Армии в тылу и на фронте. Свыше двух миллионов слушателей посетили эти концерты. Были исполнены новые произведения: 7-я симфония Шостаковича, «На поле Куликовом» Шапорина, 21-я симфония Мясковского и др. За это время состоялся 101 симфонический концерт (в том числе цикл из 10 концертов, посвящённых произведениям Чайковского).

— Ответственная задача, поставленная партией и правительством перед всеми организациями Урала,—поднять уровень их работы до столичного—привела нас к серьёзной творческой перестройке, — заявил тов. Христиансен. — Качество работы должно быть резко повышено. В 1943 году мы должны дать 8.694 концерта и 860 концертов в частях Красной Армии.

Организуется второй филиал Свердловской филармонии — в Нижнем Тагиле. Первый филиал работает на одном крупном уральском строительстве. В его состав входят ансамбль живой газеты «Стройка», джаз-ансамбль, камерная концертная группа и духовой оркестр.

В этом году 6 экспедиций в составе композиторов, художника и балетмейстера отправляются в районы для собирания русских уральских народных песен и плясок и образцов уральских народных костюмов. Собранный материал послужит основой для создания репертуара профессионального Ансамбля уральской народной песни и пляски, организуемого на базе колхозного самодеятельного хора.

Филармонией заказаны новые произведения ряду композиторов и поэтов.

Формируется большой симфонический оркестр в составе 73 человек.

ПРИСВОЕНИЕ ПОЧЕТНЫХ ЗВАНИЙ АРТИСТАМ МОЛОТОВСКОГО ТЕАТРА

За выдающиеся заслуги в области искусства Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил звание заслуженного деятеля искусств РСФСР художественному руководителю и артисту Молотовского областного драматического театра Н. С. Ефремову.

Звание заслуженного артиста РСФСР присвоено артистам того же театра А. А. Колобаеву и А. Г. Шейну.

Москва, Кремль Председателю Государственного Комитета Обороны товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

В дни, когда советский народ напрягает все силы для оказания помощи нашей героической Красной Армии в её борьбе с немецкими оккупантами, коллектив работников Государственного Московского Музыкального театра имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, воодушевлённый победами любимой Красной Армии, желая всемерно помочь скорейшему разгрому ненавистного врага, собрал из личных сбережений наличными деньгами и облигациями госзаймов в фонд постройки танковой колонны «Москва» 518.704 рубля.

Желаем Вам, дорогой друг, вождь и учитель, много лет здоровья на счастье нашей великой Родины.

Директор и художественный руководитель театра, Лауреат Сталинской премии
Народный артист СССР Вл. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.
Заместитель директора В. И. МАРКИЧЕВ.
Секретарь парторганизации Заслуженный артист Узбекской ССР
А. Р. ТОМСКИЙ.
Председатель местнома Л. Я. ОКУНЬКОВ.

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МОСКОВСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР ИМЕНИ НАРОДНЫХ АРТИСТОВ СССР К. С. СТАНИСЛАВСКОГО И ВЛ. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО
ДИРЕКТОРУ И ХУДОЖЕСТВЕННОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ ТЕАТРА ЛАУРЕАТУ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ НАРОДНОМУ АРТИСТУ СССР
ТОВ. ВЛ. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО
ЗАМЕСТИТЕЛЮ ДИРЕКТОРА ТОВ. В. И. МАРКИЧЕВУ
СЕКРЕТАРЮ ПАРТОРГАНИЗАЦИИ ЗАСЛУЖЕННОМУ АРТИСТУ УЗБЕКСКОЙ ССР ТОВ. А. Р. ТОМСКОМУ
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МЕСТКОМА ТОВ. Л. Я. ОКУНЬКОВУ**

Прошу передать работникам Государственного Московского Музыкального театра имени народных артистов СССР К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, собравшим 518.704 рубля на постройку танковой колонны «Москва», — мой братский привет и благодарность Красной Армии.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль товарищу СТАЛИНУ

Дорогой Иосиф Виссарионович!

За время отечественной войны мне выпала высокая честь выполнить 500 выступлений в действующей Красной Армии и Военно-Морском Флоте. Горя желанием вместе со всем великим русским народом помочь Красной Армии выполнить Ваш гениальный план разгрома и уничтожения врага, я на свои личные сбережения и средства, собранные от моих концертов, приобрёл на родном Урале грозную машину — танк. После митинга на заводе танк вместе с экипажем отправился на фронт бить врага наповал, насмерть.

Прошу Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, принять мой подарок Красной Армии ко дню её славного 25-летия.

Вместе с моей семьёй от чистого сердца желаем Вам здоровья на многие годы и дальнейших побед нашей родной Красной Армии.

Горячо преданный Вам
Заслуженный артист РСФСР Сергей Михайлович БАЛАШОВ.

Г. КУЙБЫШЕВ

**ЗАСЛУЖЕННОМУ АРТИСТУ РСФСР
ТОВАРИЩУ БАЛАШОВУ СЕРГЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ**

Благодарю Вас, Сергей Михайлович, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии.

Примите мой привет.

И. СТАЛИН.

Москва, Кремль Председателю Государственного Комитета Обороны Иосифу Виссарионовичу СТАЛИНУ

В 106 годовщину со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина, при горячей поддержке со стороны общественности и трудящихся города Каменск-Уральского, я провел ряд пушкинских вечеров, выступая с отдельными главами из моего нового романа о Пушкине. Народ глубоко чтит память своего величайшего поэта, и эта неумирающая к нему любовь позволила мне собрать этими вечерами 100.000 рублей на боевой самолет «Александр Пушкин». Пусть боевой самолет, носящий гордое имя «Александр Пушкин», примет участие в освобождении от неистового врага нашей родной земли.

Прошу включить в список действующей авиации самолет «Александр Пушкин».

Писатель Иван Алексеевич НОВИКОВ.

г. Каменск-Уральский.

**КАМЕНСК-УРАЛЬСКИЙ, ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ПИСАТЕЛЮ ТОВ. НОВИКОВУ ИВАНУ АЛЕКСЕЕВИЧУ**

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Иван Алексеевич, за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии.

Ваше желание будет исполнено.

И. СТАЛИН.

ДОЧЕРИ РУССКОГО НАРОДА

ЖЕНЩИНА — В НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Н. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

В грозные дни великой войны, женщина — мастер народного творчества, подобно всем советским женщинам, самоотверженно служит своим искусством великому делу освобождения родины.

Жизнь зовёт к новым современным темам. «Новая жизнь — так и новая песня нужна»,—говорит северная сказительница М. Голубкова.

Любовь к родине, непримиримая ненависть к фашистским захватчикам, сила и стойкость Красной Армии, вера в победу — таково содержание новых поэтических сказов.

Одни и те же темы по-разному развертываются различными сказительницами. Тема родины, например, в сказе А. Гладкобородовой («У нас крепкая семья сталинская») развита в патетических тонах. Родина в «Северном сказании» М. Крюковой дана в реальном образе прекрасного северного лета. Понятие родины в сказе А. Суховерховой «Всё им спать не просыпатися» выражено в ярких образах-символах.

Работая над современными темами, создавая картины и образы, насыщенные острым чувством современности, сказительницы широко пользуются традициями устного народного творчества. Торжественная приподнятость мерного былинного стиха — одни из характерных признаков произведений М. Крюковой; композицией и богатой народностью речи поэтический сказ Суховерховой напоминает старинную свадебную песню.

Большое место в современном фольклоре, особенно в женском творчестве, занимает тема «Женщина и великая отечественная война». Мотивы патриотизма женщин, их самоотверженной работы на фронте и в тылу, яркие образы современных девушек и женщин отражены в поэтических сказах, в различных песнях и частушках, а также в рассказах, записанных фольклористами от бойцов и командиров.

В многочисленных произведениях фольклора (например, в причитаниях печорских «воплениц»; в лирическом сказе сказительницы Московской области Е. Волковой—«Уж кабы были у меня крылья соколиные» и др.) изображена мать воина. В народном представлении она — сильная духом женщина, соединяющая страстную материнскую любовь с глубоким чувством патриотизма, готовая на подвиг для спасения родины. Таков образ матери и в лучшем произведении на эту тему Ф. Беззубовой «Благословение матери».

...Как услыхала про лютого врага,
Он костями вцепился в край земли родной,

Поющее сердце мое вскипело.
Из сердца моего семиструйный огонь высекся,

Не пожалела я силу своего сердца —
Проводила выращенного, выхоленного сына своего.

Куда Сталин кликнул, по той дорожке-тропиночке,

Иди-ко мое дитятко, куда партия призвала тебя.

В первых рядах, сын мой, иди-ко
Встретишь врага — из сердца огонь высекай.

Землю-матушку от врага вычисти,
По знойному, ледяному ветру пепел его развей.

И я, дитятко мое, по твоей дороге пройду.

Посмотрю, как ты охраняешь нашу страну,

Как ты мать свою слушаешь, как ты Сталина радуешь...

В поэтическом «Письме родным колхозницам» архангельская сказительница А. Гладкобородова призывает их самоотверженным трудом крепить тыл, чтобы скорей разбить врага. Эта же мысль и в стихотворении поэта-колхозника Ярославской области И. Чухарина.

Милый мой — моряк во флоте,
Я — ткачиха у станков.
Но у нас одна забота
Поскорей разбить врагов...
Милый бьет врагов торпедой
На поверхности морей,
Я — стахановской победой
И числом рабочих дней...

Во многих произведениях фольклора говорится о готовности женщины ехать на фронт в качестве сестры или бойца, о смелых партизанках, мстящих врагу за причиненные народу бедствия.

Подруженьки, пойдем в армию.
Винтовочки дадут.
Нам винтовочки дадут,
Немцу сделаем капут.
(Народная «припевка» Пензенской области).

Замечательный образ русской женщины, стремящейся в бой, чтобы разбить врага, а после боя облегчать страдания раненых, показан в сказе Е. Волковой:

Отомстила бы за нашу кровь пролитую, неповинную.

Всех разбила б врагов до единого,
А потом бы пошла я по полюшку,
Поднимать бы стала своих раненых,
Слезами своими бы омыла их,
Волосами своими отерла их,
Стала бы раны им вымывать,
Словом ласковым их обадривать...

Сплетение двух мотивов: помощи раненым и желания участвовать в бою,—типично и для других лирических произведений на эту тему. В красноармейской песне, сложенной политруком Малышкиным, «Галя-партизанка» дается портрет женщины командира партизанского отряда, участвующей в боях против немцев. Подвиги и гибель Героя Советского Союза партизанки Зои Космодемьянской отображены в большой эпической поэме-причитании «Не забыть нам веки-повеки», красноярской сказительницы Е. Чичаевой.

В дореволюционном прошлом народные таланты, произведения которых вошли в сокровищницу искусства, в массе своей были обречены на неизвестность. Судьба старой вышивальщицы, замечательной северной сказительницы М. Кривополеновой — редкое исключение. Всеобщим признанием пользуются сейчас творцы и носители фольклора, среди которых значительная роль женщинам. Широкие пути, открытые женщине советской властью, обусловили расцвет крупных творческих индивидуальностей.

С. НАГОРНЫЙ

ЭПОПЕЯ О СЛАВЕ СОВЕТСКОГО ОРУЖИЯ

На Сталинградском фронте мне довелось встречаться с кинооператорами и трястись с ними в полуторке, и лететь в одном самолёте, и видеть, как они снимают, и говорить с ними о фронтовых делах, и курить из одного кисета. Люди киногруппы, которой руководит т. Кузнецов, оставили впечатление двужильной неутомимости, отваги и профессионального энтузиазма. Но как можно было судить об их работе? Взгромоздив на плечо бывалый аппарат, кинокорреспондент уносил тайну своей кабинки.

Теперь стало ясно, что эти люди — обстрелянные, прокопчённые и промороженные, люди, видавшие все фронтовые виды, снимали хорошо, здорово и что сделанные ими кадры составили замечательный фильм о Сталинграде, фильм о величайшем сражении отечественной войны.

Многими причинами можно объяснить силу влияния такого фильма на зрителя и одна из них — ощущение непосредственности, сродное с тем, которое возникает при чтении письма, написанного рукой, только что державшей согретый лучами ствол автомата, — письма, начинающегося словами: «Сейчас окончился бой...».

Фильм похож на дневник свидетеля и участника громадных событий, на такой дневник, в котором широкие картины исторического плана свободно чередуются с неожиданными и драгоценными для читателя записями о том, как это виделось автору и что он при этом чувствовал.

Когда летом прошлого года фронт приблизился к Волге, в Сталинграде прибавилось жителей. Новые горожане — танкисты, артиллеристы, лётчики, пехотинцы — все те, кому предстояло защищать город, единодушно в него влюбились. Каким приветливым был в мире Сталинград, разогретый щедрым солнцем и овеянный свежим дыханием Волги. Сталинград белых и розовых домов центра и уютных окраин. Сталинград, напоминавший ленинградцу — северную столицу, киевлянину — Киев и одесситу — родную Одессу. Город был весёлым — по вечерам в садах и у берега реки много собиралось народу. Город был суровым — работали заводы танков, орудий, моторов, работала армия женщин, подростков и стариков, строивших укрепления. Город был полон воспоминаний о славном своём прошлом, о том, как в боях восемнадцатого года завоевал он новое гордое имя...

Закончен новый художественно-документальный фильм «Сталинград» — о героической обороне волжской твердыни, об одной из величайших битв в истории.

Картину снимали операторы киногрупп Сталинградского и Донского фронтов: И. Оралкин, А. Софьин, Б. Макаров, Л. Ибрагимов, А. Казаков, А. Кричевский, Б. Мукин, М. Гольдбрит, И. Пятерин, И. Гольдштейн, М. Посельский, Б. Шадронов, И. Каймин, Г. Островский, Н. Малов.

План фильма Л. Варламова и А. Кузнецова. Текст написан В. Гроссманом. Монтаж Л. Варламова. Производство Центральной студии кинохроники.

Все полюбили город. Когда смотришь первые кадры фильма — широкие проспекты, музей, танки, сползающие с конвейера среди цветов и зелени заводского двора, привольную ширь Волги, — вспоминаешь, что так именно это и было, так мы радовались красоте нашего города.

Кроме душевного личного ощущения, которое передаётся от автора к зрителю, и само по себе даёт право назвать фильм художественным, укажу ещё и на то, что «Сталинград» — вещь, несомненно, сюжетная. Не только судьба города ведёт линию от одного эпизода к другому. Судьба гитлеровского замысла, который грозил рабством и гибелью всей нашей стране, судьба похороненного в руинах Сталинграда немецкого стратегического плана, — здесь, в фильме, показана широко и выразительно. И, с другой стороны, — победоносное выполнение гениального плана Сталина, наглядно показанная смелость и мудрость этого плана и чёткое его осуществление. Две карты, две схемы боевых действий, две воли. Авторам фильма удалось выявить на экране стратегический смысл и размах великой битвы. Тактические эпизоды (например, штурм одинокого дома) сделаны с использованием разносторонних возможностей кинотехники.

Война выглядит в фильме такой, какой мы её знаем.

Медленные волы тянут печальный обоз. Нескончаемая пыль на дорогах отступления. Сладкий и горький запах горящих хлебов. Мальчик белоголовый со страхом в глазах. Мать простоволосая спешит, задыхается, уносит мальчика от надвигающейся гибели.

Потом горят и рушатся те самые дома, испепеляется та красота и уют, которым мы радовались в Сталинграде.

И дым простёр над руинами тяжелые, чёрные крылья.

Сапёры роют ломкой в непокорной, мёрзлой земле. Автоматчики отвоёвывают шаг за шагом пролёт заводского цеха, переулок, лестничную площадку. Артиллерист совершает с удивительной быстротой и точностью всё одни и те же движения. Он в белой маскировочной куртке, которая похожа на спецовку. Он работает. И командир дивизии легендарный Родимцев с озабоченным и, вместе, спокойным выражением лица — работает. И штурман на самолёте, производящий математический расчёт над целью, за одно мгновение перед тем, как сбросить бомбы, — работает. И бесстрашные паромщики на знаменитых сталинградских переправах — работают.

Война — великий труд.

Летом прошлого года наши войска отходили. Где-то они должны были остановиться для обороны. В полководческом искусстве одна из труднейших задач — выбор момента и места для перехода к активной обороне. Эта задача была решена. Стратегический гений, руководящий нами в отечественной войне, указал на Сталинград. Когда-нибудь будут написаны сотни страниц об этом моменте войны, о том, почему именно под Сталинградом был положен предел немецкому наступлению. Но мы, современники и участники событий, свежо помним особое ощущение необходимости и неизбежности сталинградской обороны. Тут слилось всё: и влияние исторического прошлого, и то, что означает для нашего народа Волга, и чувство тревоги за родину... Помимо чисто военных факторов, сделавших возможной сталинградскую оборону, необыкновенно большую роль сыграло то, что замысел полководца совпал в это критическое мгновение войны с велением народного чувства.

И второй переход, требующий ещё большего искусства, — переход от обороны к наступлению, прыжок к победе, кажущийся чудом, но подготовленный терпеливым накапливанием сил и проницательной оценкой сил врага, измотанного нашей обороной.

Война — великое искусство.

Труднее всего изобразить именно эту сторону явления войны.

Ни кинематограф, ни даже литература наша пока ещё не запечатлели происходящего на полях отечественной войны формирования новой военной науки, правила которой испытываются в огне сражения.

Между тем этот процесс принёс свои драгоценные плоды и в ноябре, когда началось наступление под Сталинградом, и позже, когда войска Красной Армии громили немцев на Дону, на Кавказе, на Украине. Оперативное творчество и тактическая инициатива наших командиров блестяще себя проявили в прошлом месяце при освобождении Курска и Харькова и на-днях — при штурме Ржева.

К чести авторов «Сталинграда» следует отметить, что они в этом смысле сделали больше, чем кто-либо другой.

Документальный фильм может остаться на уровне фототеки и он не способен возвыситься до эпопеи.

Картину о Сталинграде делали талантливые люди. Они проявили много изобретательности и остроумия. Интересны и глубоко осмыслены такие монтажные приёмы, как, например, переход от гусеницы сталинградского трактора на гусеницы танка — переход от «мирного» вступления к военным эпизодам. Остроумно монтажное сопоставление немцев, марширующих на параде в Берлине, с теми же немцами, ковыляющими по сталинградским дорогам в лагери для военнопленных. В монтаже и в дикторском тексте много удачных находок.

«Сталинград» — прекрасная картина, сменяющиеся кадры которой, объединённые большой художественной идеей, создают слитное впечатление, как будто был создан ещё и выше предварительный план, как будто операторы знали наперёд перипетии великой борьбы, как будто они знали, что сгорят эти дома и разрушатся эти цехи, и придут из-за Волги подкрепления, и наступит блистательный миг победы, и на площади города среди домов, насквозь пронизываемых солнцем, соберутся на митинг бойцы и горожане великого Сталинграда. А, может быть, действительно знали они всё наперёд? Да, знали, потому что были вместе с защитниками Сталинграда и делили с ними их труд, бедствия и веру. Уверенность в будущем и неизбежность войны — вот что нужно для создания эпоса.

Кадры из фильма «Сталинград». Вверху: на заседании Военного совета Сталинградского фронта. Командующий фронтом генерал-полковник тов. Еременко и член Военного совета тов. Хрущев. Ниже: уличные бои в Сталинграде.

Кадры из фильма «Сталинград». Вверху: жители Сталинграда выходят из бомбоубежища. В центре: группа пленных немецких солдат и офицеров. Внизу: бойцы-автоматчики на торжественном митинге, посвященном разгрому немецко-фашистских войск в районе Сталинграда.

С. ЦИМБАЛ

Лесная филармония

По обороне противника решено было нанести мощный удар. В действие была приведена вся многообразная система нашего огня, загрохотала тяжёлая артиллерия, перебивая друг друга, со всех сторон застучали пулемёты, и, тревожно взвизгивая, одна за другой полетели на вражеские траншеи и блиндажи мины. Сонный посёлок, в котором окопался враг, всполошился, фашистские солдаты метались по ходам сообщения, выскакивали из домов и нелепо шлёпались наземь, подстреленные нашими снайперами. Гарь и дым, кирпичная пыль и мелкий щебень тучей встали над вражеской обороной, и тогда откуда-то сверху, с уступов огромного бетонного сооружения, прикрывавшего наш передний край, грянул торжественный и радостный марш артиллерии, музыка наступления, за которой — так учит военная традиция — должен последовать могучий бросок пехоты.

Противник стал отвечать. Одна за другим выдавал он свои огневые секреты, выбалтывал артиллерийские тайны, обнаруживал батареи.

И чем больше палил враг, тем точнее обозначалась на картах наших артиллеристов огневая оборона противника.

...В небольшой землянке после короткого отдыха состоялась очередная репетиция. Руководитель оркестра командир музыкантского взвода Лев Гиммельфарб требователен и настойчив. Оркестр должен соблюдать твердый производственный режим, и не может быть никаких причин для его нарушения. В назначенное время командир встанет на место, где положено быть дирижёрскому пульту, взмахнёт рукой, и репетиция начнется.

Землянка музыкантского взвода расположена в непосредственной близости от вражеской линии обороны; противника стала беспокоить методичность, с которой музыканты готовили свой репертуар. Финны, как говорится, «засекли» их и стали подвергать столь же методичному артиллерийскому обстрелу. Посокрушались музыканты, — и тут же подыскали себе новое жильё.

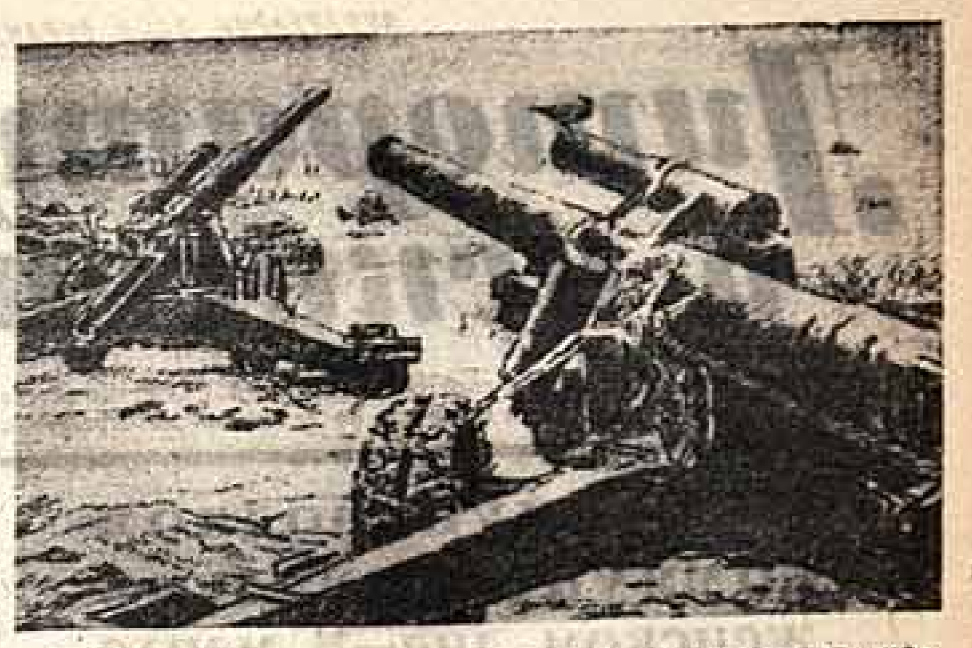
* *

Рано утром, вытянувшись цепочкой, они становятся на лыжи, люди этой необыкновенной «лесной филармонии», которая сама, со всем своим хозяйством, в полном составе движется к землянке переднего края, несёт им напевы чудесных, надолго запоминающихся песен, весёлую шутку и танец. Они идут глухими лесными просеками, несутся по пушистой снежной целине и на правах старых друзей запросто заходят в землянки, где их уже давно ждут и где в темноте светятся радостным нетерпением глаза бойцов. Музыкантский командир спокойно выходит вперёд и спрашивает, обращаясь ко всем вместе и к каждому в отдельности — что же вам сегодня сыграть? «Темную ночь», — кричат из одного угла, «Вечер на рейде», — раздаётся из другого, «Турецкий марш» давайте, — настойчиво требуют третьи. Заявок много, и все они, в меру положенного времени, будут удовлетворены. Будет исполнена и «Темная ночь», и «Чардаш» Монти, будет разыгран весёлый сатирический раёк и, руками задевая зрителей, обступивших импровизированную «сцену», пронесется в огненной «кабардинке» лихой танцор Чакмалян.

Слушать бы и слушать, смотреть да смотреть этот концерт, но нельзя, — музыкантов уже ждут в соседних землянках и в других ротах. Дирижёр, он же скрипач и аккордеонист, снова становится командиром, строго подаёт команду, и через минуту музыканты исчезают где-то за холмом. Так из землянки в землянку, из одного взвода в другой, где можно — на лыжах, где нельзя — пешком, а иногда и «по-пластунски» кочует «лесная филармония». Одну из глав «Василия Теркина» с отличным юмором и вкусом прочтёт санинструктор Кульков, песенку о драпающем фашистском генерале Штраусе споёт под аккомпанемент аккордеона Егоров, соло на кларнете исполнит Дякин. Все они каждый раз будут это делать с увлечением и радостью, с тем особым чувством близости к своей аудитории, которое может возникнуть только здесь, непосредственно у линии огня.

Эта великая дружба «меча и лиры» озаряет своим светом музыкантов переднего края, и поздней ночью, только что вернувшись домой, усталые и разгорячённые, они уже размышляют о том, как бы раздобыть ноты новых музыкальных номеров, как бы достать для исполнения новые вещи, которыми можно было бы порадовать бойцов на ближайших выступлениях.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.



«Трофейные орудия». Из фронтовых зарисовок А. ЛАПТЕВА. 1942 г.
Выставка «Красная Армия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками».

А. ТВАРДОВСКИЙ

ЖЕНЩИНА

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то.
Не подарок, так белье
Собрала, быть может...
И что дольше без нее,
То она дороже.
И дороже этот час,
Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз.
Что забудь — попробуй.
Обойдись в пути большом,
Глупой славы ради,
Без любви, что видел в нем,
В том прощальном взгляде.
С губ шершавых не сойдёт,
Сердцем не утрачен
Поцелуй последний тот
Губ, от слёз горячих.
Бедных тех, родимых губ,
Слабых и печальных,
Как он памятен и люб
Поцелуй прощальный.
В трудный час, в весёлый час
Пред бедой любою —
Он у каждого из нас
При себе, с собою.
Он у каждого из нас —
Самый сокровенный
И бесценный наш запас
Неприкосновенный.
Он про всякий день, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться.
Не проси. Он мой. Он весь —
Мой, святой и скромный.
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.
Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то.
И приходится сказать,
Что из всех тех женщин,
Как всегда, родную мать
Вспоминают меньше.
И не принято родной
Сетовать напрасно.
В срок иной, в любви иной
Мать сама была женой
С тем же правом властным.
Да, друзья, любовь жены, —
Кто не знал — проверьте, —
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.
Та любовь сквозь всё прошла,
Силы не теряя,
И, глядишь, тебя нашла
На переднем крае.
Ты ей только не перечь
Той любви, что вправе
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.
Вновь достань листок письма,
Перечти сначала.
Пусть в землянке полутьма, —
Ну-ка, где она сама
То письмо писала.
При каком на этот раз
Примостилась свете.
То ли спали в этот час,
То ль мешали дети,
То ль болела голова
Тяжко не впервые,
Оттого, брат, что дрова
Не разжечь сырые.
Недосып и недоед —
Всё, брат, ей знакомо.
На посту ей смены нет —
Тем, что ныне дома.
Впряжена в тот воз одна —
Разве не устанет?
Да зачем тебе жена
Жаловаться станет?
Жены думают, любя,
Что иное слово
Все ж скорей найдет тебя
На войне живого,
Только б цел ты. Не беда,
Если даже ранен.
Все равно ты ей всегда
Дорог и желанен.
Ныне жены все добры,
Беззаветны вдосталь.
Даже те, что до поры
Были ведьмы просто.
Смех — не смех. Случалось мне
С женами встречаться,
От которых на войне
Только и спасаться.
Чем томиться день за днём
С той женою-крошкой,
Лучше ползать под огнём
Иль под бомбёжкой.
Лучше, пять пройдя атак,
Ждать шестую в сутки...
Впрочем, это только так,
Только ради шутки.
Да, друзья, любовь жены, —
Вновь ее проверьте, —
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.
И одно сказать о ней
Мы б могли вначале:
Что короче, что длинней —
Та любовь, война ли?
На обычном языке
Это означает,
Что иные вдалеке
Жены не скучают...
Но бестрепетно в лицо
Глядя всякой правде,
Я замолвил бы словцо
За любовь, представьте.
Как война из жизни ни шла,
Сколько ни пахала,
Но любовь пережила
Срок её немалый.
И недаром нету, друг,
Письмеца дороже,
Что из тех далёких рук,
Дорогих, усталых рук
В трещинках по коже.
И не зря взываю я
К женам настоящим:
— Жены, милые друзья,
Вы пишите чаще.
Не ленитесь к письмецу
Приписать, что надо,
Генералу ли, бойцу
Это — как награда.
Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны — короткий путь,
У любви — далекий.
И её большому дню
Сроки близки ныне.
А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.
Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то.

Отрывок из поэмы «Василий Тёркин».

Фронтовой литературный конкурс

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. (От наш. спец. корр.). Недавно армейская газета «За честь родины» провела конкурс на лучшее литературное произведение. В редакцию было прислано более ста стихотворений, очерков и рассказов, свыше 80 авторов приняло участие в конкурсе. Авторы эти — бойцы и командиры стрелковых, артиллерийских, минометных и танковых частей. В их творчестве были представлены всевозможные жанры — стихи, рассказы, фельетоны, частушки. Все произведения объединены общей темой — темой любви к родине и ненависти к врагу.

Сержант Ф. Чернышев, вспоминая в стихотворении «Жизнь вернется» о родном крае, о своей деревне «У реки Осуги», ныне разоренной и сожжённой гитлеровскими бандитами, призывает бойцов:

Бей фашиста злого,
Спуску не давай!
Жизнь вернется снова
В этот тихий край.

Мстить врагу! Изгнать его из пределов родной земли! — таков основной мотив всех литературных произведений, поступивших на конкурс.

Убей врага! — к тебе взывает
Вскормившая тебя земля. —

пишет красноармеец Греков в стихотворении «Убей врага».

Не все стихи совершенны по форме, не все вполне самостоятельны, во многих ясно ощущается влияние поэзии Кольцова, Никитина и других поэтов. Но для всех произведений характерны большая правдивость и искренность чувства.

Лучшие стихи и рассказы были опубликованы в газете «За честь родины» и исполнялись ансамблем фронтового Дома Красной Армии. 25 февраля в Доме Красной Армии был проведен литературный вечер, на котором писатель Г. Корабельников выступил с докладом о красноармейском творчестве. Он детально разобрал произведения, поступившие на конкурс.

На вечере выступили также приехавшие на этот участок фронта писательница Л. Сейфуллина, композитор В. Фомин и работающий в газете «За честь родины» поэт П. Железнов. Участники конкурса красноармейцы тт. Кираловский, Шевелев, Николаев и Луньков прочли свои произведения.

К. ПЛАТОНОВА

Н. ЩЕКОТОВ

ЗАРИСОВКИ НА ПОЛЕ БОЯ

Установившийся ещё до войны отличный обычай — отмечать юбилейные даты Красной Армии художественными выставками — соблюдён и в наши дни.

Нынешняя выставка содержательна. И это — свидетельство её современности, её живого отклика на события войны.

Главная её тема — грандиозные сражения, в которых народ развёртывает свои силы, очищая советскую землю от захватчиков. Её особенность в том, что наиболее полно и систематично тема выставки воспринимается не в живописи, как обычно, а в рисунках.

Это — от фронта, от близости к сфере боёв, которую мы ощущаем, рассматривая фронтовые зарисовки, сделанные часто в пылу сражений — под Великими Луками, на Дону и больше всего под Сталинградом.

Под грохот артиллерии художник зарисовывает с натуры боевые действия, работает быстро, жадно весь захваченный невиданными событиями и притом хорошо понимая, каких явлений он стал очевидцем. Этот путь позволяет ему достигнуть художественной правды.

Зарисовки подобного рода несомненно должны служить подсобными материалами для композиции картин, но во многих случаях имеют и самостоятельную ценность, притом ценность не только документально-историческую, но и художественную. В этом нетрудно убедиться здесь же, на выставке.

Один вид земли на подступах к Сталинграду, нашей земли, за которую при помощи всей своей военной техники изо всех сил пытался уцепиться враг, заставляет учащённо биться наши сердца.

Вот овраги и овражки, умело и тщательно зарисованные К. Финогеновым, — балка Караватка, Западная Купоросная, балка Стародубовка, овраг Таловый и другие знаменитые места боёв.

На небольшом листке из полевого альбома художника изображен, например, «Залп по Стародубовке», где притаились гитлеровцы. Смертоносен шквал нашего артогня, направленный прямо в лоб врага. Следующий рисунок: «Окружение сужается. Овраг Таловый». Третий: «Последний рубеж немецкого сопротивления под Сталинградом». Так, шаг за шагом мы сопутствуем победному продвижению наших бойцов и вместе с ними торжествуем.

Пейзаж — невиданный, небывалый до наших дней, настоящий батальный пейзаж. Создан он современным боем, теми средствами, какими этот бой располагает, средствами современной батальной техники.

Прекрасно сделал К. Финогенов, что посвятил ему так много зарисовок. Рассматривая их, думаешь одновременно о людях, о наших людях. Какой отвагой, какой сверхъестественной смелостью надо обладать, чтобы на таком открытом пространстве, где каждая точка видна на громадном расстоянии, где за всей местностью непрестанно следят злобные глаза из вражеских нор, идти вперёд, наступать, прорываться в эти искусно сделанные укрепления врагов, выкуривать их из подземелий! Кто они, эти герои?

И тут же, в этом же выставочном зале — «Портрет разведчика Малявина» работы того же художника.

Суровое внутренне сосредоточенное, словно из бронзы отлитое лицо. Черты твердо «вылеплены», морщины резко «врезаны». Характер утверждён и углублён, главным образом, самой войной. Здесь, под Сталинградом, закалилась его воля, его ненависть к врагу.

Дальше — портреты генерал-лейтенанта Шумилова, генерал-лейтенанта Скворцова, полковника Алтынина, майора Герасимова и других героев великой сталинградской эпопеи.

Художник хорошо выразил индивидуальный характер каждого из них. В портретах этих он сумел передать общезначимое, — то, что делает изображение батальным, если так можно выразиться, портретом, хотя каких-либо прямых указаний на баталию здесь нет. Это глубокая печать суровости, твёрдости, особенный налёт боевого духа, войной, боями «оформленные» воля и сознание.

Возможно, что перенесённые отсюда, с полей сражений, в обстановку мирного быта, те же герои покажутся в этом отношении менее выразительными. Но тут, где зарисовал их К. Финогенов, печать боевой миссии оказалась настолько ясной, что художник уловил её даже в быстрых своих рисунках, почти набросках, сделанных, можно сказать, на ходу.

Как раз вот эти-то особенности, столь волнующие зрителя, эта атмосфера боя, — её не изобретёшь у себя в мастерской, её надо почувствовать в жизни, — и свидетельствуют о том, что перед нами в рисунках не просто снимки фактов. Сквозь документальность, сквозь объективность их просвечивает живая мысль художника, и чувства его в той или другой мере оказываются отзвуком великих событий.

И всё, что здесь на выставке в набросках или более завершенных рисунках, содержит этот отзвук, ценно и значительно не только как история, но и как искусство.

Идём, однако, дальше. Следуем за нашими воинскими частями. Входим в Сталинград. Здесь нашими путеводителем будет не только К. Финогенов, но и Е. Комаров, И. Лукомский, С. Гольцев, В. Савенков, С. Хинский, В. Медведев, Г. Прокопьевский, Н. Васильев.

Характер их рисунков несколько другой. Они больше проработаны, завершены. Они сделаны по наброскам с натуры, а если и по памяти, или даже «от себя», то — очевидцами. Правдивость, как правило, сохранена, — рисунки убедительны, интересны, увлекательны.

Новая серия рисунков К. Финогенова — её можно назвать «Бои в городе» — начинается с зарисовки «Дивизия вошла в Сталинград» и завершается рисунком «Штурм в центре города, где укрылся со штабом немецкий фельдмаршал Паулюс». Рисунок этот помечен знаменательным в эпопее Сталинграда числом — 29 января 1943 года.

Обстановка боя другая, чем мы видели на подступах к городу. Иной здесь и «пейзаж»: причудливо рисуются на фоне неба обрушенные снарядами верхи домов; бессмысленно зияют пролёты окон в отдельно стоящей фасадной стене — самого дома уже нет; навалы кирпичей и камня. И тут же, у подножия этих руин, — чёрные дыры блиндажей и вражеских дотов.

Среди гигантской кучи обломков видим большую вазу, каким-то чудом уцелевшую от разрушения: «Здесь был бульвар, чудный парк на берегу Волги!..».

И опять, как раньше, стучит сердце и опять горячо думается о людях, о наших людях. О людях войны и мира.

Прежде всего о людях войны, о мстителях за всё это неслыханное варварство.

«Прямой наводкой» — называется один из рисунков. Прямой наводкой бьют наши герои артиллеристы по щелям и норам фашистов. Группы бойцов, — одна, другая, третья. Смельчаки впереди — пробираются умно, умело, осторожно, но упорно с разных сторон в до-нельзя запутанные лабиринты развалин. Мы видим, как происходит сражение в самых стенах большого города, чувствуем, чего стоит такое сражение, какие требования оно предъявляет бойцам...

Почти одновременно вспоминаются и люди мирного времени — жители Сталинграда. Да, и как же их не вспомнить?! Это они строили и украшали город. Они возвратятся. Они придут. «Они уже пришли!» — отвечает нам художник: под двумя его рисунками стоит подпись: «Митинг в освобождённом городе». Эти рисунки, как и остальные, сделаны с натуры.

Так развёртывается перед нами великая, глубоко волнующая и поднимающая наш дух эпопея Сталинграда.

Но это ещё не всё. В рисунках других художников раскрывается ещё одна сторона великого сражения, когда бои идут не под открытым небом, а внутри самих строений, в этажах, в подвалах, на лестницах, в комнатах, в цехах, в подвалах жилищ. Это можно назвать батальным интерьером. Таковы, например, отличные работы Комарова — «Корректировка огня (завод-цех)», затем, «Огневая точка в Г-образном доме» или «В заводском посёлке». Таковы рисунки Гольцева — «У Г-образного дома», или «Наши ворвались в дом», «Здание заводской конторы». Рисунок Медведева — «Бой в рабочем посёлке» и др.

Лучшие портреты этого раздела выполнены художником Лукомским. Интересен его рисунок, изображающий молодого бойца Заболотного, участника боёв в Одессе, Севастополе и Сталинграде. Но ещё выразительнее и выше по художественному мастерству портреты генералов, руководивших обороной Сталинграда. Здесь мы снова встречаемся с той же своеобразной печатью сталинградских боёв, какая уже была заметна в портретах К. Финогенова.

Портреты-рисунки Н. Васильева искусно сработаны, по-видимому, точны, документальны, но этого-то духа, этой-то печати героического художнику уловить не удалось. Сказывается это и в зарисовках Г. Савицкого, В. Ефанова и Г. Ряжского, которые они привезли из своей командировки на Сталинградский фронт.

Художниками собран огромный материал о великой сталинградской эпопее. Рисунок — вот первая форма отражения этого исторического события.

М. НАГНИБИДА

Бійці співають „Заповіт"...

Полку на штурм рушати вранці.
Уже зорі неясний слід.
Гуртом зібравшись у землянці
Бійці співають «Заповіт».
Блищать штики в тісному колі,
Зоріє в кутчику каганець.
Примружив зір і повели
Про ті дали широкополі
Виводить тенором боєць.
Мете пурга. Віконце стука,
Зоря в заметах ожива
І в серце воїна — окута
Грімлять Тарасові слова.
Ще битва, штурм, — О, Україна,
Дніпра окривавлена вода.
А чи жива моя дитина?
А чей зустрінеться дружина?
Чи мати [illegible]?
Гармати б'ють. Горить віконце.
І ширше в землянці спів.
Благословив, Тарасе-сонце,
Священним гнівом земляків.

ШЕВЧЕНКОВСКИЙ ВЕЧЕР В МОСКВЕ

10 марта исполняется 129 лет со дня рождения великого украинского поэта Т. Г. Шевченко.

Отмечая эту дату, кафедра истории литератур народов СССР Московского государственного университета совместно с лекторием МГУ устраивает большой литературный вечер, посвящённый Тарасу Шевченко.

С докладом «Шевченко — великий украинский патриот» выступит Е. Ненадкевич. Свои произведения, посвящённые великому поэту, прочтут украинские писатели А. Копыленко, И. Ле, А. Малышко, М. Нагнибеда, П. Панч и В. Сосюра.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Т. ШЕВЧЕНКО

Издательство ЦК КП(б)У выпускает на украинском языке массовым тиражом «Кобзарь» Т. Шевченко, а также отдельными изданиями — поэмы «Причинна», «Сон» и другие.

«Кобзарь» иллюстрировал художник А. Пащенко. Предисловие написано поэтом-академиком Павло Тычиной.

В ближайшие дни в издательстве выйдет из печати брошюра И. Назаренко «Тарас Шевченко — певец свободы славянских народов».

КИНОЖУРНАЛ «РАДЯНСЬКА УКРАИНА»

Комитет по делам кинематографии принял решение о возобновлении выпуска хроникального киножурнала «Радянська Украина». В Харькове во втором квартале этого года вновь открывается Украинская студия кинохроники.

До восстановления производственной базы Украинской студии в Харькове киножурнал «Радянська Украина» будет выпускать Центральная студия хроники.

«Дружинница».
Этюд В. ОДИНЦОВА. Сталинград, январь 1943 г.

К. ЧУКОВСКИЙ

О ПОЛЬЗЕ ТВОРЧЕСТВА

1.

Есть простое и лёгкое средство изготовить военную книгу: возьми ножницы, вырежь из разных газет и журналов десятка полтора стишков и очерков, озаглавь эту вырезку возможно звонче, например: «Вперёд!» или «Слава героям!» — и военная книга готова.

Конечно, без ножниц в издательском деле нельзя. Но увлекаться ножницами грешно и опасно: как бы они не стали помехой для живого литературного творчества.

Эта-то опасность и угрожает в настоящее время Детгизу. Такие его книги, как «Детям о войне», «Наш старший товарищ», «Корабельные хлопчики», «В боях» и другие, сплошь изготовлены ножницами.

Вообще к ножницам это издательство питает слишком большое пристрастие. Изданные им «Сказки о храбрецах-удальцах», «Сказки народов Советского Союза», «Песенки-байки» и еще груда всевозможных брошюр, вплоть до вырезок из «Войны и мира», — всё это досталось ему исключительно при помощи ножниц.

И конечно, это очень хорошо, что Детгиз напечатал «Блиц-фрицев» — книгу антифашистских сатир Маршака с рисунками неистощимых Кукрыниксов, но ведь это опять-таки вырезки: вырезки из газеты, из «Правды». Это создано не в недрах Детгиза. Творческой работы издательства здесь опять-таки нет.

Я отнюдь не хочу сказать, будто Детгиз начисто уклонился от творчества. Издавались им и творческие книги. Например, повесть Заречной «Горячее сердце», написанная с большим темпераментом и в то же время сдержанно, вдумчиво, без ложнопатетических жестов и фраз. Хороши также свежие и поэтичные боевые рассказы Ильенкова, собранные в книжке «Сила жизни». Увлекательна — и не только сюжетом, но и свободной манерой живого рассказа — книжка Л. Плескачевского «Партизанскими тропами». Но, во-первых, этих книг очень мало. Во-вторых, сами они так невелики, что каждую можно проглотить в полчаса. А в-третьих, ничего специфически-детского в них не имеется. Творчество Детгиза доведено здесь до минимума.

Другое дело — объёмистый томик о танках «Сухопутные крейсера» О. Дрожжина или книга Д. Волкова «Бойцы-невидимки», — о применении математики в современной войне. Но лицо Детгиза ими определяться не может. Это книги научные, прикладные, а лицо литературного издательства раньше всего определяется его достижениями в области чисто литературного творчества: его стихами, его беллетристикой.

И вот здесь, в этой области, Детгиз оказывается до странности немощным. Судя по его тематическим планам, он словно забыл, что у него есть большая фаланга замечательных народных художников слова, завоевавших себе многомиллионную аудиторию детей, и не пожелал или не сумел активизировать этих писателей, вовлечь их в творческую, боевую работу.

И где молодые таланты, выдвинутые в эти годы Детгизом? Таланты у нас так и прут из земли, и в тылу, и на фронте. Но в Детгизе о них не слышать.

Конечно, выращивать таланты и вдохновляюще влиять на их творчество гораздо труднее, чем орудовать ножницами, но дети нашей страны несомненно выиграли бы, если бы в эту суровую эпоху их жизни Детгизу удалось мобилизовать для творческого служения им всех своих лучших писателей.

2.

Обладая такими богатыми кадрами замечательных авторов, Детгиз воистину мог бы творить чудеса.

Только представить себе, что сделал бы со всей этой плеядой М. Горький!

А Детгиз, словно не замечая её, составляет какие-то отвлечённые планы, которые рискуют повиснуть в безвоздушном пространстве, так как за этими планами совершенно не чувствуется конкретных писателей.

Издательские планы лишь тогда хороши, когда они создаются в живом единении с авторами. Мне не раз доводилось участвовать в составлении подобных планов под руководством М. Горького. Горький не регистрировал заранее нужные ему темы по рубрикам, чтобы впоследствии подыскать для этих тем подходящих писателей. Такой канцелярский метод составления планов всегда вызывал его гнев. Он требовал, чтобы каждая тема органически вырастала из автора, и в то же время автор — из темы. Чтобы это был творческий, сложный, двусторонний процесс.

Детгиз же планирует свои будущие издания так: **«На новом месте». Повесть из жизни эвакуированного интерната.** «Повесть должна показать творческую активность советских ребят и педагогов, сумевших преодолеть трудности эвакуации», и т. д.

Повесть, что и говорить, превосходная, но её еще нет. Её еще не начали писать. Детгиз еще не знает её автора, но уже знает её будущие размеры — шесть листов! — и даже её будущий заголовок.

Таких заказываемых издательством книг очень много. Вот будущая повесть «Советская школа» («повесть должна показать, как советская школа сплотила ребят»). Вот будущая повесть «Мы заменили отцов» («повесть должна показать»...)

Темы драгоценные, но именно из уважения к ним мы должны требовать, чтобы их не трактовали так упрощенно. Нам нужны вдохновенные, горячие, мускулистые книги, способные влиять на целые поколения детей, а такие книги ещё никогда не писались для заполнения рубрики в заранее составленном издательском плане.

Здесь опять-таки нужно творчество, то-есть нечто прихотливое, страстное, смелое, свободное и, раньше всего, неожиданное. Кто заказывал Антону Макаренко его «Педагогическую поэму»? Кто заказывал Эдуарду Багрицкому его «Думу про Опанаса»? И в какую рубрику предварительных издательских планов могла бы вместиться «Страна Муравия» Александра Твардовского, не говоря уже о стихах Маяковского, о прозе Шолохова и вообще обо всём золотом фонде советской словесности. Каждая из этих подлинно творческих книг, прославляющих по-настоящему, а не для заполнения рубрики, наше советское дело, — каждая явилась сюрпризом для всех и всех ошеломила своей новизной. Творчество — всегда изобретение, и сила его влияния на массы — в творческой новизне его сюжета и стиля. Почему же теперь, когда нам особенно нужно добиться влияния на детскую психику, мы чураемся творчества и готовимся печатать детей какими-то повествушками на заранее заданные темы?

Здесь опять-таки вспоминается Горький. Заказывал ли он писателям книги? Еще бы! Постоянно заказывал. Немало есть советских повестей и романов, которые возникли по внушению Горького. И Пушкин «заказывал» Гоголю его «Ревизора». И Некрасов то и дело «заказывал» Николаю Успенскому очерки. Но всё это делалось с огромным уважением к писателю, к его творческой личности, к его индивидуальным стремлениям, вкусам, возможностям. Это делалось в живом единении с писателем.

Ибо влиятельны лишь творческие книги, а все эти опусы не только оставят детей равнодушными к тем жизненным задачам, которые мы хотим им внушить, но надолго отвратят их от этих задач, то-есть принесут величайший педагогический вред.

3.

В этом я убедился на собственном опыте, наблюдая один детский коллектив. То были обитатели обширного детского дома в Ташкенте, среди которых, между прочим, находилась многочисленная группа детей, эвакуированных из прифронтовой полосы.

Эрзац-литература явилась к ним в виде толстого тома «В огне отечественной войны», изготовленного при помощи ножниц в городе Нальчике около года назад. Книга составлена довольно толково, в ней попадаются неплохие страницы, но один отдел этой книги чрезвычайно скоро наскучил ребятам, и они на третий же день потеряли к нему всякий интерес, хотя тематика этого отдела такая, которая неизменно волнует ребячьи сердца.

Чуть только, бывало, примешься читать в литкружке стихи и рассказы, входящие в этот отдел, дети так и отлынут от книги. Шушукаются, смотрят в окошко, ерзают на скамейках, словом, всячески выражают своё полное равнодушие к читаемому.

Откуда это происходит? И мы стали внимательно вникать в эту книгу.

Вот на странице 20-й картинка: стоит маленький мальчик и бросает гранату в троих перепуганных гитлеровцев. В тексте сказано, что их было шестеро, но, очевидно, художнику было совестно нарисовать шестерых, и он ограничился только тремя.

На странице 24-й картинка: маленькая девочка ножиком убивает оторопелого гитлеровца, а другой стоит, и хоть бы что! Очевидно, ждёт своей очереди: пожалуйста, выручи и меня! Причём в тексте сказано, что ножик у девочки был перочинный, но художнику опять стало совестно, и он вооружил её более подходящим ножом.

Вот на вражеском танке стоит младенец не старше двух лет и торжествует победу над поверженными гитлеровцами. Это на странице 44-й, а на 50-й пять немцев гибнут под пулями двух малышей!

Словом, непонятно, почему Красная Армия в своей титанической борьбе с озверелым фашизмом ведёт такие трудные бои и преодолевает препятствия, каких не могла бы преодолеть ни одна армия в мире. Если послушать этих горе-литераторов, вполне достаточно сотни ребят, чтобы сокрушить многомиллионное фашистское полчище! Тем более, что, судя по рисункам и тексту, враги патологически глупы. Это — водевильные простофили, которые ежесекундно попадают впросак.

Мудрено ли, что трафаретность и неправдоподобность этих стишков и рассказов скомпрометировала их в глазах детей, которые своими глазами видели войну?

Как бы для того, чтобы окончательно отвадить ребят от этой волнующей темы, в тот же детский дом принесли пятую груду брошюрок под такими монотонно-хвастливыми заголовками:

«Как мы помогли поймать шпиона», «Как мы подстрелили кукушку» (т. е. фашистского снайпера), «Как мы взяли у фашистов мотоцикл», «Как мы уничтожили банду фашистов», «Как мы сбили фашистского мотоциклиста».

Во всех этих книжках действуют два мальчугана, из которых, судя по рисункам, одному лет семь или восемь, а другому — три или даже два с половиной. Для обоих война — тру-ля-ля, непрерывная цепь изумительно-лёгких побед над смешными дурачишками-гитлеровцами:

Мы всё громче распеваем,
Пляшем лихо, с огоньком.
Вдруг из круга выбегаем
И гранаты достаём.

И тут же картинка: одиннадцать немцев стоят полукругом и доверчиво ждут, скоро ли эти малюточки швырнут в них гранату. Вот какое лёгкое дело война: стоит только двум мальчуганам «лихо, с огоньком» проплясать перед немцами, и одиннадцати из них капут.

Особенно легко, оказывается, ловить шпионов:

Меж деревьев человек.
Мы сказали: руки вверх!
Немец пойман. Это он!
Это крупный был шпион.

Можно ли так опошлять святую тему о героизме советских детей! И подобную однообразную дешёвку дети слушают по радио, им её читают со всевозможных эстрад, а также в детских домах и садах. Она становится навязчиво-привычной, она набивает оскомину, и в конце концов вызывает реакцию, прямо противоположную тем, на которые, видимо, рассчитывал автор.

Эту притчу я рассказываю с бесхитростной целью: продемонстрировать на конкретном примере, как вредна эрзац-литература и как необходимо использовать творческие силы тех самобытных народных писателей, которые умеют по-настоящему влиять на детей.

4.

В самом деле, какую агитационную силу могут иметь, например, следующие тривиальные вирши:

Пионер! Ты носишь галстук красный,
Ты присягу помнишь и во сне.
Ты себя представить должен ясно,
Что в тылу сейчас, как на войне.
Каждый час встаёт перед тобою
Беспредельной храбрости пример.
Будь и ты у нас в тылу героем,
Если носишь звание — пионер!

Эти стихи напечатаны на первой странице детгизовского сборника «Будь героем!» Стихи гладкие, без сучка и задоринки, написанные с самыми благими намерениями, но совершенно никчемные, ибо в них — ни единого грамма поэзии. Рифмованная, резонёрская проза, и кому неизвестно, что никакого эмоционального влияния на детскую душу подобные вирши иметь не могут, а если повлияют, то в обратную сторону.

Нельзя же серьёзно поверить, что, чуть только ребёнок прочитает унылую просьбу автора: «будь и ты, пожалуйста, у нас в тылу героем!», — он сейчас же пойдёт и наделает подвигов.

Детское мышление образно, а здесь всё отвлечённо и бескрасочно:

Ты читаешь каждый день в газете
О великих подвигах бойцов.
Ждёт страна, что пионеры-дети
Будут все похожи на отцов!

Дайте детям прочесть десяток таких резонёрских нотаций подряд, и самая идея геройства, увлекающая их с самого юного возраста, покажется им нудной. Это просто канцелярские отписки от важной и ответственной темы.

Я отнюдь не хочу отрицать заслуги и достоинства Детгиза. Выше я перечислил превосходные книги, которые он дал в минувшем году детворе. Но всё же я не могу не отметить, что тематика всех его книг — и плохих и хороших — кажется мне слишком уж узкой.

Все эти книги, почти все до одной, — лишь о военном геройстве. А мы не должны забывать, что есть и другое геройство, трудное, не показное, неэффектное геройство повседневной работы, геройство внутренней дисциплины, терпения, нравственной стойкости, словом, то геройство, которое в настоящее время требуется от советского ребенка в тылу.

Оставлять детей Сибири, Урала, Дальнего Востока, Средней Азии, а также тех, что эвакуированы из прифронтовой полосы, оставлять их без книжного воспитания никак невозможно. Но что делает наша детская литература сейчас для воспитания этих детей?

Ничего или очень мало.

У большинства из них отцы на фронте, матери на оборонных заводах, иные уже второй год как оторвались от семьи, попали под дурные влияния, разболтались, отстали от школы, а мы, вместо того, чтобы воспитывать их, шепелявим им о Лялях и Васях, швыряющих гранаты в фашистов. И тем внушаем им плачевную мысль, будто это чуть ли не единственная форма геройства, которого мы требуем от них. Конечно, в огромном своём большинстве советские дети показали себя достойными своей великой эпохи, но как им нужна та моральная помощь, которую они получают от нас, от писателей! И может ли Детгиз похвалиться, что хоть одна его книга помогает слабейшим из них противостоять пагубным воздействиям базара и улицы? К сожалению, во многих местах эти воздействия сильны, но никакого противоядия против этих тлетворных влияний детская литература до сих пор не дала и как будто даже не собирается дать.

Вообще проблема воспитания детей, находящихся вдали от прифронтовой полосы, — одна из самых жгучих проблем нынешней советской педагогики. Хотелось бы, чтобы Наркомпрос в самом спешном порядке учёл эту насущную потребность подрастающих поколений страны и ликвидировал образовавшийся в Детгизе прорыв.

Пора понять, что моральное воспитание детей и, в первую очередь, тех, которые из-за превратностей военного времени оказались оторванными от семьи, от школы, от нормального быта, является задачей первостепенной политической важности. Ведь именно нынешнему поколению советских детей предстоит в недалеком будущем взять на себя колоссальный труд по восстановлению мирной и радостной жизни после нашей окончательной победы над гитлеровщиной.

И мы, детские писатели, должны понять, наконец, что наш патриотический долг — с удесятеренной энергией приняться за создание книг, воспитывающих в советском ребенке раньше всего нравственно-стойкую личность, способную к подвигам не только на фронте, но и в будничной, тыловой обстановке.

«Письмо с фронта».
Скульптурная композиция М. АППЕТИНА. г. Фрунзе.

ПАМЯТНИКИ ГЕРОЯМ

В Московском Доме архитектора открылась выставка проектов монументов героям великой отечественной войны, представленных на конкурс, организованный Союзом советских архитекторов и Комитетом по делам искусств.

Темы, предложенные участникам конкурса, очень разнообразны — от пантеона героям войны и партизанам до надгробья на братских могилах воинов, от монументов защитникам Москвы, Ленинграда и Севастополя — до памятников отдельным героям: Зое Космодемьянской, 28 панфиловцам и другим.

Всего на конкурс поступило 160 проектов. Кроме того, на выставке показаны полученные вне конкурса работы, посвящённые героическим защитникам Сталинграда. На-днях жюри заканчивает работы по просмотру и отбору проектов.

1 марта докладом Д. Аркина началось обсуждение экспонированных проектов. Докладчик отметил общий высокий уровень представленных проектов, их отличное графическое выполнение. Для лучших проектов конкурса характерно сочетание исторической конкретности с символическим обобщением. Однако ряд проектов не отвечает этому требованию, они отмечены печатью своеобразного «классического шаблона» и в них больше чувствуется прилежное изучение классических архитектурных образцов, чем живой пафос современности. Особенно это сказалось на решении таких тем, как «Пантеон героев великой отечественной войны»: многие авторы варьируют здесь архаичные мотивы древнеримского пантеона.

В некоторых работах заметно чрезмерное нагромождение разнообразных архитектурных форм. Это лишает проекты основного качества героического монумента — простоты и ясности художественного образа.

Очень интересны памятники на братских могилах, врезанные в холмы или скалу, и монументы, органически связанные с пейзажем местности (бухта Севастополя, предгорья Кавказа, донские степи).

Выступление академика архитектуры Л. Руднева было посвящено вопросам композиционного сочетания монументов с архитектурой современных городов.

В заключение академик архитектуры Н. Колли сообщил, что Союз архитекторов организует детальное изучение вопросов, связанных с сооружением монументов героям великой отечественной войны.

ПРЕМЬЕРЫ В ТЕАТРАХ ТБИЛИСИ

ТБИЛИСИ (По телеграфу от наш. корр.). К годовщине установления советской власти в Грузии Театр оперы и балета им. З. Палиашвили поставил новую оперу грузинского композитора Вано Гокиели «Патара Кахи» по одноименной пьесе грузинского классика Акакия Церетели.

В театре им. Руставели Акакий Хорава возобновил пьесу Сумбатова-Южина «Измена». Начались репетиции пьесы И. Сельвинского «Генерал Брусилов» в переводе Симона Чиковани. В роли Брусилова выступит А. Хорава.

Н. ЗАМОШКИН

«Под Москвой»

НОВАЯ ПОВЕСТЬ Е. ГАБРИЛОВИЧА

Панораму гражданской битвы под Москвой создаст время. И оно — не за горами. Немного лет отделяет эпос «Тихого Дона» от эпохи гражданской войны. Повесть Евг. Габриловича «Под Москвой», напечатанная в одиннадцатой книге журнала «Знамя», — не эпос, не панорама, — прошел всего ведь один год! Это лишь разведка в эпос. Писателю-фронтовику пришлось многое перевидать, пережить, записать. Разобраться в событиях, отделить существенное от несущественного, связать воедино характерные черты, творческим воображением охватить наблюдения, другими словами, написать законченное произведение — вот какая задача стояла перед Евг. Габриловичем.

Повесть «Под Москвой» имеет две сюжетные линии — собственно военную и любовно-бытовую. Остановимся прежде на первой.

Из двух масштабов изображения войны — генерального и местного — Габрилович выбрал второй, как более соответствующий его писательской манере. В этом виде он и разрабатывает тему разгрома немцев под Москвой. С этой, «ротной», позиции Габрилович сумел увидеть некоторые явления и процессы, характерные для отечественной войны в целом.

И тут на первом плане — Петр Котельников. Он является командиром роты той самой сибирской дивизии, которая в октябре прибыла под Москву, дралась, отходя с боями, изматывала врага, потом в декабре перешла в наступление и, наконец, в феврале врезалась клином в расположение противника. Так рота Котельникова и остаётся передовой до последней страницы повести. Нас не оставляет мысль о том, что она и сейчас стоит где-нибудь западнее Курска или Харькова.

Психология советского командира Котельникова, шаг за шагом, на опыте боёв постигающего науку войны, изображена правдиво. Обстоятельно и расчленённо Габрилович описывает переживания Котельникова за первые полтора месяца. Пётр сильно за это время похудел, но понял, что в приёмах врага не содержится ничего исключительного, «чего он сам не мог бы предугадать». Вначале это его мучило, а потом вселило уверенность в своей силе, как командира. «Второе, что пришлось преодолеть Петру в боях, — это постоянное чувство колебания» в том или ином шаге, «непреодолимое желание запланировать каждое своё намерение в высших инстанциях». «Третье, и главное, что он понял, заключалось в том, что на войне снарядом является не только стальной снаряд, но и вся масса войск, устремлённая на ту или иную цель». Он начал учитывать настроение роты с той же тщательностью, с какой учитывается топография местности, количество боеприпасов и т. д. Если бойцу Серёгину, чтобы окончательно убедиться в правоте порученного ему дела, нужно было опустить свои персты в страшные раны, нанесённые русскому народу врагом, то командиру Котельникову приходилось учитывать и эту психологию бойца и многие другие обстоятельства, уставом прямо не предусмотренные.

Переживания Котельникова стоит отметить, как характерные для советского командира. Но переживания эти во многом абстрагированы, обобщены, не связаны с живой личностью; образ командира кажется подчас засушенным. Например, его невозмутимость при посещении московской квартиры, в которой собирается орудовать злобный обыватель, и его непонятное равнодушие к судьбе родной сестры мало вяжутся с образом подлинно советского человека.

Командир дивизии Перемитин очерчен в повести скупо. Перед ним лежит на столе испещрённая значками оперативная карта. Карту лихорадит, как живое существо, — на нее ещё не нанесены те улучшения в диспозиции, которых добился Перемитин в решающие тревожные дни ноября. О, эти беспорядочно разбросанные кружки и красные дуги со стрелками. Как они мучительно отзываются в душе! Каждое движение мысли Перемитина передаётся на бумагу, на карту. Это хорошо показано в повести. Комдив ещё до памятного 5 декабря совершил свой пробный контрудар. Нарастание таких пробных ударов на линии подмосковной обороны и подготовило изображённый перелом, стал реальностью. Тут мы воочию наблюдаем, как местный, локальный масштаб темы переходит в более широкий.

Однако не сюда обращён главный интерес автора. Его больше занимает поведение простых бойцов роты. В центре повести стоит фигура пулемётчика Тимофея Кройкова. Рядом с ним — Серёгин и другие. Они даже не догадываются о том, какие они могучие и сильные, какие они самоотверженные труженики, страстотерпцы героя. Кройков так и говорит в письме к Варе: «Моя жизнь обыкновенная, военная». Недаром он в прошлом — плотник, представитель, может быть, самой народной и мирной профессии.

Кройков человек хозяйственный, осмотрительный, крепкий, непреклонный в своём деле мира и войны русский человек, русский патриот. Во всём, что делает Кройков, автор усиленно подчеркивает самобытность своего героя, долженствующего быть воплощением национальных особенностей русского воина. Образ Кройкова приобретает назидательный оттенок. Но, странное дело, чем больше автор хочет заверить, убедить читателя в типичности и жизненности своего героя, тем более читатель испытывает раздражение и недоверие к Кройкову. Кажется, что не от жизни идёт этот образ, а от каких-то литературных реминисценций. Есть в образе этого человека явно архаические, «мужицкие» черты, заимствованные из устарелых, до приторности надоевших измышлений о русском человеке. Черты своеобразной каратаевщины у Кройкова возведены Габриловичем в добродетель. И невольно выглядит этот герой хотя и приемлемым человеком, но безнадёжно серым, обезличенным и таким далёким от своих реальных прототипов, героев-защитников Москвы, Сталинграда, Ленинграда, что эта отдалённость невольно переходит в обидное, предосудительное искажение реальных характеров.

Кройков до невозможности скромен и мешковат. И в личной жизни он недалёк: встречаясь с Варей, которую любит, он одно только и делает, что неизменно «думает и думает...» Порой как-то не верится, чтобы этот невзрачный, смиренный человек способен был, не дрогнув, навести свой автомат на труса Зимина, спокойно прогнать от себя страх, непрошенно вползающий на мгновение в его душу, и т. д.

В декабре Кройков с близкими ему бойцами пришел вновь в наступление. Он уверяет себя и их в том, что «плохо воевали», «пятились зайцем», «много развелось среди нас разных «пластунов», избалованных советской властью». И всем вдруг стало стыдно после его слов. Сцена эта написана живо, но содержание её не в ладу с самой повестью: бойцы Габриловича прекрасно, отважно воюют! Автор тут настолько увлёкся надуманной оригинальностью своего героя, что забыл об обстоятельствах места и времени.

Политрук Парфентьев, как и пулемётчик Кройков, показан Габриловичем человеком крайне простодушным и недалёким. Оба они до того наивны, что не понимают, почему на них косится комиссар Турухин, привыкший политработу вести только «по форме». Автор тут не согласен с Турухиным, он на стороне Парфентьева — человека, как он говорит, «штатского» и на войне, и поспешно ставит знак равенства между «штатским» и большевистским воспитанием бойцов. Выходит так, что чуткость, взаимное понимание являются уделом единственно тех, кто и на фронте сохранил в себе некоторую душевную мешковатость, угловатость в поведении и пр. Не оттого ли на повести Габриловича так заметен налёт излишней домашности? Не оттого ли так снижены масштабы описываемого, так все измельчено? Создаётся даже впечатление, что очень просторно и вольготно живётся чудаковатому человеку на войне. И как, например, не посочувствовать, не улыбнуться милым, неловким Парфентьеву и Кройкову, когда они в самый патетический момент, перед лицом высшего начальства, запутываются в... собственных портянках!

Габрилович снисходит к «среднему» человеку, к его слабостям, — всё-де утрясётся, устроится, уж так создан мир, что на всякого мудреца довольно простоты. Немало найдётся в этом его военном произведении и маленьких, даже крошечных сердечных кон*актов, как бы пересаженных автором из собственных довоенных произведений. Слишком много разлито в повести мягкого юмора, снисходительности к разным недостаткам человеческого характера. Например, к комиссару Турухину, который только и делает, что «не соглашается» с командиром дивизии Перемитиным, проявляющим замечательную инициативу в ведении операций, автор относится с таким академическим беспристрастием, что мы вправе спросить: уже не всё ли равно автору, кто тут прав и кто виноват?

Можно, конечно, согласиться с тем, что «молодость есть молодость, и в молодости всё смешит и развлекает», но можно также утверждать и другое, что в те роковые ноябрьские тревожно-величавые дни, когда решалась судьба страны, в прифронтовой полосе вузовская молодёжь, которую изображает Габрилович во второй сюжетной линии повести, не столько чаёвничала, занималась любовными интригами, письмами, записками и пр., сколько лопатами и кирками, в упорном труде заграждала путь врагу. Труд у Габриловича только в ремарках, а на переднем плане — милая молодость, которая почему-то только «смешит». Автор перегружает, наивно нарушает жизненные пропорции, когда именно так вводит лирические мотивы в повесть, посвящённую разгрому немцев под Москвой. Привычная литературная манера незаконно входит в ткань героического по замыслу произведения.

Задача правдивой передачи того, как преображались навыки и привычки мирного времени в условиях войны, войны суровой, тяжелой, требовала от автора большего углубления в новый материал, большего политического чутья и такта.

Никак, ни при каких обстоятельствах такое одноклеточное существо, как Миша, пустышка и влюбленный «романтик», сошедший со страниц мещанских романов, не мог добровольно записаться в лыжный отряд и ходить по тылам врага, как это пытается доказать автор. Миша лишен каких либо патриотических черт. Остаётся его «любовь» к Оле. Но какая же это любовь, когда «герой» подло, трусливо предает любимую?

Об этой второй (на наш взгляд совсем необязательной в повести) «любовной» сюжетной линии надо сказать, что она вообще вне жизненного правдоподобия.

В повести местами бросается в глаза явное, почти ученическое подражание Толстому. Может быть, и в самом деле трудно советскому писателю, участнику отечественной войны, избегнуть влияния гения, нашедшего ключ к раскрытию механизма народной войны. Под его могучей сенью найдётся место для каждого, кто, не лукавя, просто захочет правдиво изобразить нашу победу под Москвой. Но едва ли можно говорить об этом в применении к рецензируемому произведению, композиция которого напоминает нечто, составленное «с бору да с сосенки», а стиль настолько пёстр, что теряется представление о его единстве. Следующие строки, первоисточник которых не трудно определить, так же случайны в повести, как и другие её фразеологические обороты: «Весёлое, глубокое чувство удачной, ладной работы охватывало обоих пулемётчиков по мере того, как длился бой»; «они ощущали ту горячую и вместе с тем солидную деловитость, которую ощущает человек, знающий, что делает, и понимающий, что дело его идёт хорошо»; «всем было приятно и весело сознавать, что вот, мол, какие они задорные, боевые ребята, за словом в карман не полезут».

Несвязанностью сюжетных линий, публицистических отступлений, «пристроенных» к сюжету и не вытекающих из него с художественно-психологической необходимостью, — всем этим страдает повесть.

Но есть в повести Габриловича и подкупающие, истинно патриотические, возвышающие душу страницы. Они, конечно, скрашивают недостатки произведения. Хорошо, самоотверженно, например, дерутся за родину Кройков, Котельников, Варя, Оля, Парфентьев! Сама жизнь тут выправляла перо автора, склонного во всех иных случаях во что бы то ни стало подыскивать в людях разные, совсем необязательные угловатости и странности.

Горячая патриотическая идея повести чувствуется также в той гневной, призывной интонации, в том пафосе ненависти к насильникам, которыми полна картина воздушной бомбардировки мирного города, убийства детей, стенаний и плача матерей. Сильное впечатление производит сцена в освобождённой деревне. Серёгин, всё старавшийся понять, чего же хочет немец, теперь всё понял: немец хочет смерти русских. И вот Серёгин слышит из уст матери-крестьянки страшный, на его глазах рождающийся сказ об убитом мальчике Саше. «Сынок первый вас услышал: «Мама, наши!» — «Спи, сынок, лес шумит». «Мама, стреляют!» — «Спи, слышишь, ставни стучат...». «А тут сзади немец и подобрался»... Пришел на русскую землю в образе зверя страшный немецкий «лесной царь», — и Серёгин почувствовал это раз и навсегда. Он сколачивает гробик для Саши, которого никогда до этого не знал, сколачивает и раз'яряется великим гневом к врагу. — «А, ты детей убивать, подлец? Детей убивать? — бормотал он, вбивая гвозди». «Ярость его росла. Всё то огромное, что передумал он за последние месяцы, всё то ужасное, что испытал его мир, столкнувшись с миром немца, — выкристаллизовалось сейчас в одно всепоглощающее чувство: в ярость». «Это была ярость русского человека, бескрайняя, как и его доброта, та ярость, которую не умерить ничем, которая переплывает моря, доберется на кручи, пройдёт сквозь огонь...»

Такая сила ярости родилась не в одном только Подмосковье. Она прокатилась девятым валом по всем фронтам и тылам великой страны. Это рождение ненависти к врагу отражено в повести «Под Москвой». Однако эти и другие хорошие места существуют в ней сами по себе, оторванно, независимо от замысла, который стоял перед взором писателя. И разве это не очевидно для самого автора, применившего к себе ту же меру «штатскости» и снисходительности, при помощи которой он думал приблизить своих героев к читателям.

Опера «Емельян Пугачев» в постановке театра им. С. М. Кирова. Слева—О. Кашеварова в роли Амины, в центре — сцена на Уральском заводе (картина II), справа — Б. Фрейдков в заглавной роли.

Д. РАБИНОВИЧ

«ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ»

ПИСЬМО ИЗ МОЛОТОВА

«Емельян Пугачев» Коваля — национальная, русская опера. Не по случайному или преднамеренному сходству каких-то её мотивов с той или иной крестьянской песней и не по содержанию либретто, — она национальная, русская по самому своему духу. И Емельян Пугачев, и жена его Устинья, и подруга её Ульяна, и соратники Пугачева именно из самой музыки ощущаются, как люди русского народа, плоть от плоти его.

Более того, музыка делает это не только без помощи словесного текста, но сплошь и рядом вопреки ему. Тот, кто взялся бы, хотя бы в первоначальном порядке, судить о характере и жанре оперы «Емельян Пугачев» только по тексту Василия Каменского, получил бы превратное представление о произведении. Прежде всего он подумал бы (и не без оснований!), что в опере нет продуманной исторической концепции. Лишь в намёках, скудных и подчас наивных (например разговор старой помещицы с мастеровыми на площади в Казани — в прологе), раскрываются причины, породившие пугачёвское движение. Лишь беглыми поверхностными штрихами (например, момент «узнавания» народом Пугачева — на заводе, прощание народа с Пугачевым — в конце оперы), показана связь, существовавшая между восставшими крестьянами и их вожаком — гениальным русским самородком Емельяном Ивановичем.

Но послушайте в том же прологе щемящие хоры слепцов, каторжников, нищих («А подайте, ради Христа»), и перед вами предстанет картина безысходного народного горя. Послушайте в заключительной сцене эпичный в своей трагедийности хор «На кого покидаешь сирот», и станет ясно, как любили русские крестьяне своего вождя, как верили в него.

Тот кто знакомился бы с «Емельяном», отправляясь от стихов Каменского, имел бы все основания подумать, что в опере, в сущности, нет главного героя. Не то, чтобы он занимал какое-то второстепенное место, — Каменский не пожалел стихов для обрисовки Емельяна, — но в том-то и дело, что в словесном тексте это Пугачев по наименованию. В действительности же это... сам Каменский, такой, каким мы знаем его через его поэзию уже добрых 30 лет, — Каменский — автор «Стрыни на вичку» и «Гимна сорокалетним юношам».

И когда поэт вкладывает в уста Пугачеву, зовущему народ к восстанию, слова: «...будет буча. В этой куче...», перед нами — он, выступавший в дореволюционном Тифлисе, в цирке и с лошади читавший публике свои эпатирующие стихи.

Но вот Пугачев запевает «Не гляди на ноженьки, что закованы в цепи» и далее «Степь ты моя!», — и попадаешь во власть музыки — широкой и просторной, как русская степь, полной дыхания. Это образ земли русской и крестьянского сына Пугачева.

Борьба подлинного русского начала в музыке со стилизаторскими тенденциями в стилях проходит через всю оперу. В лучших местах произведения композитор побеждает. Таковы прежде всего хоры — и в прологе (одна из замечательнейших страниц оперы), и ароматные, как уральская весна, девичьи хоры в 3-й картине, и глубокий проникновенный хор «Ночь степная на Урале» — в 5-й картине. В этих хорах—выразительность мелоса и настоящая, пусть данная лишь в контурах, без ухищрений и большого развития русская народно-песенная полифония.

Побеждает композитор и в лукаво-озорной, брызжущей весельем и девичьим лукавством песне Устиньи «Спозаранку у реки», и в нежной песне — обращении Устиньи к подругам (в сцене свадьбы), и ещё в радующем мелодической изобретательностью и ритмической естественностью дуэте Устиньи и Ульяны.

Образ Устиньи — один из самых удачных в опере. В Устинье сплелись и очарование девичества, и та глубокая, готовая на любые жертвы женская любовь, как её испокон изображали русские художники. Если драматургия произведения и не позволила Ковалю в больших ариях — лирико-героических характеристиках, в столкновениях и противопоставлениях — развернуть этот образ до конца, поднять его до уровня характера, то всё же и то, что есть в опере, волнует и заставляет ожидать каждого появления Устиньи на сцене.

Композиционно вокруг Устиньи ещё две девушки — русская Ульяна и башкирка Амина. Русский элемент, вообще говоря, удаётся композитору гораздо больше, нежели башкирский. В русской музыке, в интонационной сфере он самостоятелен по музыкальному языку (кстати, совершенно ошибочно считать, что автор «Емельяна» следует канонам творчества Мусоргского. Это давно пройденный этап для Коваля). В «ориентальной» же линии Коваль больше прислушивается к тому, что было создано до него. И в восточных танцах, и в партиях Салавата Юлаева и Амины многое хорошо, но кое-что звучит не так уж свежо и оригинально. Как бы то ни было, Устинья, Ульяна и Амина — чудесное «трио», составляющее основу лирического элемента в опере.

Хороши финалы, в особенности в первых двух картинах, и вся заключительная картина — финал всей оперы. Чисто инструментальные номера менее ровны. Мало выразительна танцевальная музыка, исключая, разве, только, понастоящему мужской башкирский танец (5-я картина). Зато превосходно оркестровое вступление к 5-й картине — «Предательство». Музыка, и лирическая и сумрачная, дышащая запахами летней степной ночи и предвещающая беду. Очень ярка оркестровая концовка предыдущей картины («Крепость»), когда внезапно (тут опять промах либреттной драматургии: так и остается неясным, до конца оперы, почему Творогов предал Пугачева), — в музыке, в глухом и низком звучании оркестра возникает зловещий образ измены.

Но есть в «Пугачеве» и такие моменты, когда музыка вынуждена подчиниться непреодолимому давлению либреттной драматургии и самого текста. Композитор может дорисовать черты героя, не выявленные поэтом, но изменить ход событий, их логику партитура сама по себе не в состоянии. Коваль приблизил Пугачева к народу, он дал почувствовать стихийную мощь, титанический размах Емельяна, он приоткрыл его волевую, несколько сумрачную, но богатую чувствами, страстную душу. Однако изменить сюжетную коллизию музыка не в силах.

Либретто не имеет, в сущности, фабулы. Это хроника, цепь картин. Композитор парирует это, выдерживая, где возможно, эпико-трагедийную ораториальность характера музыки. Но как создать конфликты, которые отсутствуют в либретто?

Композитор обогащает образ Пугачева, но здесь есть свои пределы. Каменский любовно рисует Хлопушу — любимца девушек и (опять-таки неизвестно почему) врага Творогова. Но его Хлопуша — темпераментный балагур, а не политический деятель, не соратник вождя, как, впрочем, и все, кто окружает Емельяна, как Салават Юлаев, к примеру. Что может сделать тут композитор? И что мыслимо сделать в музыке, когда самого Творогова до финала сцены в крепости, как фигуры, как характера, нет?

Местами текст сковывает музыку ритмическим однообразием, однотипностью коротких строчек с назойливыми и замысловатыми рифмами, а порой и просто лишёнными смысла. В уже цитированной выше речи своей к народу Пугачев приводит следующие «аргументы»: «А я эту Русь круто берусь переделать в волков. Я ведь таков. На таковских буян, из донских казаков Пугачев Емельян. Слушайте, нищие, чую толк в пище я, нища ждет бражная...» и т. д. Передать это мелодическим образом, разумеется, нельзя. И в музыке начинается судорожная скороговорка.

Или последняя сцена. Устинья в смертном томлении ждёт момента казни Пугачева — любимого человека, мужа, героя, вождя. А поэт предлагает для этой страшной минуты такие «стихи»: «Вот они, вот они. Шеи обмотаны (?). К ним свиям прикручены (кто? шеи? — **Д. Р.**), словно дрова. Пропадай, голова» (?). Можно ли заставить страдающую женщину в самый трагический миг её жизни говорить подобную чушь? Разумеется, это не может не поставить в тупик композитора.

Не всё плохо в либретто Каменского. Наряду с неудачами и провалами в нём есть и яркие образы, сочные жанровые зарисовки. Точно так же не всё удачно в музыке Коваля. «Емельян Пугачев», выросший из написанной несколько лет тому назад оратории, — первое монументальное полотно, созданное композитором. Это и самое крупное и лучшее из его произведений. На нём печать индивидуальности, присущей творческой манере Коваля: живой, выразительный мелодизм, вокальность, специфичность гармонического мышления (в частности, типичные для Коваля ряды параллельно следующих трезвучий, придающие гармонии несколько терпкий характер).

Но в опере отразились и слабости Коваля как композитора. Порой ему нехватает широты дыхания, и тогда подлинно симфоническое развитие подменяется нагромождением звучностей. Обычное для Коваля тяготение к цикличности приводит иногда (в большой форме) к аморфности структуры. Кое-где сам по себе интересный мелодический материал оказывается абстрактным по колориту. Опера не только очень велика, но местами многословна. Есть в ней эпизоды, без которых легко можно было бы обойтись (например, сцена суда над помещицей).

Не эти частные дефекты, однако, определяют общую значимость «Емельяна Пугачева». Произведение Коваля,—бесспорно, одно из самых серьёзных явлений в нашем оперном искусстве за четверть века. Опера сочна и благородна по музыкальному языку, по средствам выражения. Она далека от тех примитивов, где сложнейшая оперная форма низводится до монтажа песен и плясок, а богатейший духовный мир народа обедняется.

Показ «Емельяна Пугачева» на сцене — задача ответственная и сложная. Ленинградский театр оперы и балета им. С. М. Кирова, осуществивший в Молотове первую постановку произведения Коваля, справился со своей задачей блестяще. Театр проделал громадную и плодотворную предварительную работу с композитором. Была установлена окончательная редакция произведения, сделаны необходимые купюры (хотя спектакль и сейчас длится около 5 часов), по возможности, улучшен и подчищен текст.

В тесном содружестве с Ковалем и дирижёром спектакля А. Пазовским Д. Рогаль-Левицкий инструментовал оперу — дело не легкое, если принять во внимание и масштабы сочинения (партитура насчитывает в рукописи свыше 1200 страниц!) и особенности фактуры Коваля, до сих пор обращавшегося к оркестру лишь в порядке исключения. Инструментовка Рогаль-Левицкого очень помогла опере. Обычно склонный перегружать свои партитуры (напомню хотя бы «Листиану»), Рогаль-Левицкий в этой работе нашёл правильные и тонкие краски, соответствующие духу произведения. Он умело использовал все оркестровые группы, в частности, деревянные. В упрёк ему можно поставить только злоупотребление солирующей арфой, да ещё местами несколько перенасыщенную силу звучания. Но тут выручает дирижёр.

Пазовский—душа спектакля. Замечательный музыкант, великолепный интерпретатор «Ивана Сусанина», «Чародейки», «Снегурочки», «Салтана», он ведёт оперу Коваля с истинным вдохновением. Дирижируя, он живёт произведением. Как выразительны у него, например, [illegible] в первой картине перед хором каторжников, как чувствует он контрасты хоровых звучностей в хоре «А подайте ради Христа!» В финале 2-й картины Пазовский добивается от оркестра, хора, солистов совершенно грандиозного нарастания. С необыкновенной силой звучат у него концовка 4-й картины, оркестровое вступление к 5-й... Говорить о том, что Пазовскому удается в опере, значило бы перечислять едва ли не все страницы партитуры.

Своим творческим энтузиазмом Пазовский заражает всех участников спектакля. Исполнительски опера Коваля сделана, мало сказать, добросовестно, — она сделана с любовью. Ярко и смело проводит И. Яшугин трудную роль Пугачева. Он правильно подчеркивает основные черты вождя крестьянского войска: стихийную силу, огромный внутренний темперамент при внешней сдержанности, даже сумрачности. Движения артиста неторопливы и значительны. Весь он какой-то крепкий, кряжистый. В нём чувствуется та решимость, без которой не мог бы Пугачев повести за собой массу. И он же милок и нежен с Устиньей. Особенно удалась Яшугину-актёру небольшая мимическая сцена в начале 5-й картины. Войско Пугачева разбито. Одинокий, сидит он на камне около своего шатра, полный горьких дум, неподвижный, как гранитная глыба. И в этой неподвижности, молчании Пугачева — не личное горе, но трагедия народа. Хорош Яшугин и как вокалист, хотя партия по своей тесситуре несколько низка для его голоса.

Из двух исполнительниц роли Устиньи — А. Маньковская и Т. Смирнова — предпочтение следует отдать второй. В её трактовке — обаяние девической чистоты и вдумчивая лиричность. Запоминается эпизод первой встречи её с Пугачевым. Только что шутивший с девушками и Хлопушей Емельян схватывает устиньину руку. Он держит её крепко, властно глядя в глаза девушки и как будто желая наполнить всю её душу внезапно вспыхнувшим в нём чувством любви, и Устинья не в состоянии противиться, не может оттолкнуть Пугачева, отнять руку. Она уже зачарована этой мужской волей. И когда, через несколько минут, после схватки с заводскими стражниками, Пугачев ранен и она должна перевязать его, каким светом озаряется её лицо, сколько ласки в её движениях, в её мимике, в звуках её голоса. Полна мягкости Устинья — Смирнова в сцене с подругами, пришедшими величать её в день её свадьбы, по-настоящему трагична в заключительной картине.

Обаятелен в роли Хлопуши Г. Нэлепп. Вот уж действительно «Душенька Хлопушенька»! Он очень хорош во 2-й картине. Менее выразителен он в сценах с Твороговым, но здесь приходится вернуться к недостаткам либретто. Салават Юлаев — большая творческая удача Н. Середы. Свежий звук, блестящий, неожиданный для лирического тенора, металлический тембр, при отвечающих образу внешних данных артиста, делают небольшую, в сущности, партию Салавата одной из самых заметных в спектакле.

Удачно подобраны исполнители для большинства остальных ролей: монументальный, свирепый Творогов — Г. Орлов, Ульяна — Н. Калашникова и Е. Климова, Амина — О. Кашеварова, второй исполнитель роли Салавата — А. Коробейченко.

Постановщик «Емельяна Пугачева» Л. Баратов видимо, много поработал с исполнителями, обеспечив и общее высокое качество спектакля и правильную трактовку отдельных ролей. Режиссёрски спектакль не отличается какими-либо особыми сценическими новшествами, но всё в нем соответствует жанру произведения и характеру музыки. Людская масса в сценической интерпретации Баратова часто статична. И это правильно. Это согласуется с общим, приближающимся к ораториальному, звучанием оперы.

Художнику Ф. Федоровскому особенно удалась первая картина — отлично переданная атмосфера старинной русской провинции и знойного летнего дня, третья — весна, цветущие вишни, заключительная — далёкий зимний пейзаж московского Кремля.

Из танцевальных номеров (балетмейстеры А. Лопухов и М. Михайлов) лучше всего уже упоминавшийся мужской воинственный башкирский танец. Из исполнителей — А. Шелест, хорошо танцующая довольно условный, впрочем, русский лирический танец.

Постановка «Емельяна Пугачева» радует, ибо свидетельствует об успехах нашего музыкального творчества, о художественной инициативе и высокой культуре театра, носящего имя Кирова.

Пленум правления Союза писателей Казахстана

АЛМА-АТА. (От наш. корр.). Закончился продолжавшийся пять дней пленум правления Союза писателей Казахстана.

На пленум прибыли делегаты различных областей республики, казахские писатели, народные акыны во главе со старейшим поэтом, трижды орденоносцем Джамбулом, а также русские, украинские, еврейские писатели, живущие в Казахстане.

В работе пленума приняли участие секретарь ЦК КП(б)К т. Скворцов, председатель СНК КазССР т. Ундасынов, председатель Президиума Верховного Совета КазССР т. Казакпаев, зав. отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б)К т. Абдыкалыков.

Газеты «Социалистик Казахстан» и «Казахстанская Правда» накануне пленума поместили статьи, в которых подвергли критике деятельность правления Союза писателей Казахстана за последнее время.

Отчётный доклад председателя президиума Союза писателей т. А. Тажибаева подтвердил справедливость этой критики. Несмотря на предоставленные им возможности и условия для плодотворной работы, писатели Казахстана не дали ни одного произведения, достойно отображающего события великой отечественной войны.

По докладу развернулись оживлённые прения. С большими речами выступили председатель Президиума Верховного Совета КазССР т. Казакпаев, зав. отделом агитации и пропаганды ЦК КП(б)К т. Абдыкалыков, зам. пред. Совнаркома КазССР т. Тажибаев. Отмечая значительные успехи молодой казахской литературы за последние годы, выступавшие констатировали, что в дни отечественной войны писатели Казахстана не справляются со своими задачами. Многие казахские писатели побывали на фронте, однако в результате этих поездок литература не обогатилась значительными произведениями.

Казахская писательская организация проводила на фронт большую группу товарищей. Около тридцати членов Союза писателей сменили перо на винтовку. Молодой литератор, аспирант Академии наук Малик Габдуллин получил звание Героя Советского Союза; поэт Д. Снегин стал превосходным артиллеристом, майором-орденоносцем; высокой наградой отмечен гвардии майор П. Кузнецов, а казахским прозаиком — переводчик Джамбула. Казахские писатели-фронтовики зарекомендовали себя гораздо лучше, нежели их товарищи, работающие в тылу.

В прениях выступили писатели Сабит Муканов, Мухтар Ауэзов, Габит Мусрепов, Е. Лундберг, Бела Балаш, Е. Гогоберидзе, Х. Ормаков (?), Жанибаев (?), Н. Забила и другие.

В отдельных выступлениях отмечалось отсутствие достаточно тесного творческого контакта между казахскими и приезжими писателями — контакта, который помог бы росту местных прозаиков, поэтов, драматургов и особенно критиков.

С приветствиями пленуму выступили представители науки и искусства и читатели—лауреат Сталинской премии геолог Сатпаев, историк Панкратова, композитор Жубанов, киноработники Коварский, Блейман.

Читатели предъявили писателям серьёзный счет: писатели не запечатлели ярких типичных характеров людей нашего времени: казахов-строителей, казахов-организаторов, не показали чудесные образцы героического труда людей советского тыла.

В резолюции, принятой по докладу, деятельность правления Союза писателей признана неудовлетворительной. В своём решении пленум требует немедленной перестройки работы правления союза, усиления внимания писателей к военной тематике, а также к тематике трудового тыла. Особо отмечается необходимость развития литературы для детей, восстановления секций прозаиков, драматургов, поэтов, детских писателей. Пленум постановил усилить работу с народными акынами: совместно с филиалом Академии наук будет организована и систематизирована запись песен. Решено также принять меры к укреплению творческой связи с приезжими писателями.

Пленум пополнил состав правления ССП Казахстана. Председателем президиума избран Сабит Муканов.

Народный акын Джамбул и писатель Сергеев-Ценский избраны в президиум правления Союза писателей Казахстана.

Пленум послал приветственную телеграмму товарищу Сталину.

Театр им. Ленинского комсомола приезжает в Москву

Сегодня в Ташкенте даёт свой последний спектакль перед отъездом в Москву театр им. Ленинского комсомола.

За шестнадцать месяцев работы в Узбекистане театр, помимо возобновления ряда спектаклей своего московского репертуара, осуществил новые постановки — «Крылатое племя» А. Первенцева, «Фронт» А. Корнейчука, «День живых» А. Бруштейн. 25-летие Красной Армии театр отметил постановкой новой пьесы В. Каверина «Большие надежды» (режиссер И. Берсенев). Это — десятая пьеса репертуара театра им. Ленинского комсомола, поставленная в Узбекистане.

За время пребывания в Средней Азии театр играл в Фергане, Намангане, Коканде, Маргелане, Самарканде и Ташкенте. Здесь установилась крепкая творческая дружба ведущих артистов театра им. Ленинского комсомола с коллективами театров Узбекистана, которым московские мастера охотно помогали в работе. В Академическом театре им. Хамза пьесу узбекского драматурга И. Султанова «Полёт орла» поставил И. Берсенев. С. Бирман и С. Гиацинтова руководили постановкой отдельных спектаклей в Ташкентском русском драматическом театре.

Театр им. Ленинского комсомола завоевал большую популярность среди узбекских зрителей.

Сейчас коллектив театра в полном составе возвращается в Москву, где начнет свои спектакли в конце марта.

По Советской стране

НОВОСИБИРСК. В Новосибирском окружном Доме Красной Армии к двадцать пятой годовщине РККА филиалом Третьяковской галереи, совместно с Областным Союзом художников и дирекцией ленинградских дворцов-музеев организована выставка живописи, графики и скульптуры «Героическое прошлое Красной Армии». На выставке представлены все авторы, начиная с современников Петра Первого и кончая участниками великой отечественной войны.

САРАТОВ. Областное отделение Всероссийского театрального общества в Саратове возобновило свою работу. Создано оргбюро под председательством народного артиста РСФСР И. Слонова. Проведены обсуждение постановки пьесы «Фронт» в местном драматическом театре и совещание по репертуару Саратовского театра музыкальной комедии. Сформирована бригада драматических актёров и [illegible] театрам области.

ГОРЬКИЙ. В Куйбышевском районе города Горького открывается новый кинотеатр на 710 мест. Для кинотеатра отведено одно из лучших городских зданий.

САМАРКАНД. С большим успехом прошёл концерт недавно созданного здесь симфонического оркестра. Были исполнены фантазия на музыкальные темы из балета «Лебединое озеро» Чайковского, «Вальс-фантазия» Глинки, «В Средней Азии» Бородина и «[illegible] эскизы» Спендиарова. Дирижировал [illegible].

СЫКТЫВКАР. К дню Красной Армии в Сыктывкаре открылась первая выставка Союза советских художников Коми АССР. На выставке представлено свыше 170 работ.

ЯРОСЛАВЛЬ. Ярославский Областной драматический театр отметил 25-летие Красной Армии двумя новыми постановками: пьесы «Генерал Брусилов» И. Сельвинского и комедии В. Катаева «Синий платочек». Оба спектакля поставлены художественным руководителем театра И. Ростовцевым.

КУЙБЫШЕВ. Открылась выставка живописи, графики и скульптуры, посвящённая 25-летию Красной Армии. Помимо художников Куйбышева, представлены москвичи, ленинградцы, киевляне. Всего выставлено около 80 работ. Это — четвертая за год выставка, устроенная Куйбышевским союзом художников.

ЯКУТСК. Открылась отчетная выставка художников Якутии. Представлено 418 картин, этюдов и плакатов, отображающих [illegible] в работу трудящихся республики в дни войны, борьбу советского народа против немецких захватчиков.

КРАСНОЯРСК. Заполярный Норильский театр закончил гастроли в Дудинке—центре Таймырского национального округа. Среди зрителей были приехавшие на оленях жители тундры.

СТАЛИНАБАД. В Доме Красной Армии открылась художественная выставка «Таджикистан в дни великой отечественной войны». Выставлены произведения живописи, скульптуры и графики.

Новые постановки Музыкального театра

На сцене Музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко идут репетиции балета «Лола». Либретто В. Бурмейстера и А. Тольского рисует эпоху вторжения наполеоновских войск в Испанию и партизанскую борьбу испанского народа.

Музыка балета, составленная из народных испанских танцев и мелодий, оркестрована В. Оранским. Балет пойдёт в постановке В. Бурмейстера и режиссёра Н. Туманова. Художник Б. Волков, дирижёр В. Эдельман. Премьера будет показана в мае.

Следующей постановкой театра будет опера И. Дзержинского «Надежда Светлова».

Как сообщил нашему сотруднику директор-распорядитель театра В. Маркичев, в ближайшие дни Вл. И. Немирович-Данченко приступает к осуществлению своего давнего плана постановки оперы Чайковского «Пиковая дама». Режиссёры этой постановки П. Туманов, Л. Беликова и М. Степанова. Художественное оформление поручено П. Вильямсу.

Композитор Т. Хренников пишет для театра комическую оперу по либретто В. Зак. Т. Хренников работает также над комической оперой «Фрол Скабеев». Либретто написано А. Гладковым по старинной пьесе Д. Аверкиева.

В. Шпаркин переделывает по заданию театра либретто комической оперы Лекока «Рука и сердце».

В середине сезона начнутся подготовительные работы по постановке опер «Снегурочка» Римского-Корсакова и «Манон» Массене.

В течение сезона на сцене театра будут возобновлены «Травиата» Верди, «В бурю» Т. Хренникова, «Царская невеста» Римского-Корсакова и балет Б. Асафьева «Бахчисарайский фонтан».

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ СОВЕТСКОЙ ОПЕРЕТТЫ

В конце марта Комитет по делам искусств созывает совещание о работе театров оперетты и музыкальной комедии.

В совещании примут участие художественные руководители ведущих театров этого жанра, драматурги и композиторы.

Задача совещания — подвести итоги работы театров оперетты и музыкальной комедии и наметить путь дальнейшего их развития.

УСПЕХ СОВЕТСКОГО ФИЛЬМА В АНГЛИИ

В связи с празднованием 25-й годовщины Красной Армии в одном из крупнейших лондонских кинотеатров 18 февраля состоялся просмотр советского фильма «Партизаны» («Секретарь райкома»). На просмотре присутствовало 1500 человек, в том числе представители прессы, дипломатических и военных кругов Лондона. Фильм был принят аудиторией исключительно тепло. На этом же просмотре демонстрировалась также кинохроника, посвящённая разгрому немецких войск под Сталинградом.

С 15 февраля в кинотеатрах Англии с большим успехом идет документальный фильм «День войны».

*

Министерство информации засняло на пленку празднества, состоявшиеся во многих городах Англии по случаю 25-й годовщины Красной Армии. Эти кинодокументы демонстрируются в английских кинотеатрах с 25 февраля.

ПРОСМОТР КИТАЙСКИХ ГРАВЮР

Просмотр и обсуждение современной китайской гравюры состоялось в графической секции Московского Союза художников. Собравшиеся прослушали доклад Л. Михайловского (?) о творческой работе китайских графиков и просмотрели около 240 гравюр, недавно полученных из Китая Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. В обсуждении приняли участие Д. Шмаринов, П. Эттингер, А. Сидоров, А. Суворов и другие.

КИНОТЕХНИКА США СЕГОДНЯ

Публика, заполнившая зрительный зал, слушала концерт. Но занавес был спущен. Хотя музыкантов и не было видно, но каждым можно было ясно представить себе, где сидят скрипачи, откуда доносится дробь барабана. Трубач часто переходил с места на место. Его инструмент слышался то с левой, то с правой стороны сцены, отдалялся. Слушатели по звукам трубы безошибочно узнавали, где находится музыкант.

Когда занавес поднялся, оказалось, что на сцене никакого оркестра нет. Концерт, записанный на кинопленку, передавался через репродуктор. Удивленным слушателям было разъяснено, что они присутствовали при опытах получения стереоскопического звука.

Этот факт привёл в своём докладе «Американская кинотехника сегодня» начальник технического отдела Комитета по делам кинематографии И. Ирский. С интересом прослушали собравшиеся в Доме кино работники советской кинематографии его рассказ о новых успехах американской кинотехники в области производства пленки, печати фильмов, звукозаписи, киносъёмки. Специальный раздел доклада был посвящён цветной кинематографии, получившей за последние годы широкое распространение в США. В заключение были показаны отрывки из последних американских цветных картин.

А. Л. ВИШНЕВСКИЙ

Умер Александр Леонидович Вишневский — заслуженный деятель искусств РСФСР, орденоносец, старейший актёр МХАТ СССР им. М. Горького, герой труда. От нас ушёл верный старый товарищ и друг, вместе с которым многие из нас прошли весь жизненный путь Художественного театра.

Имя Вишневского стояло на афише первого спектакля МХАТ «Царь Фёдор Иоаннович». В этом спектакле он с огромным успехом играл роль Бориса Годунова.

Вишневский был одним из немногих профессиональных актёров, принятых Вл. И. Немировичем-Данченко и К. С. Станиславским в 1898 году в труппу нового молодого театра. Задумывая реформу русской драматической сцены, основатели МХАТ предпочитали ещё [illegible] таланты своих юных учеников [illegible] актёрским именам. Они опасались [illegible] театральной рутины и штампа даже в талантливом исполнителе, боялись, что [illegible] и уже много игравший актёр будет недостаточно гибким и чутким для их нового дела. Вишневский был исключением. Он всей своей жизнью оправдал оказанное ему доверие.

Актёр бурного, ярко-театрального темперамента, Вишневский пользовался им во всю [illegible], играя такие роли, как Марк Антоний в «Юлии Цезаре», первый актёр в «Гамлете». В то же время в чеховских спектаклях, в «На дне» Горького, в пьесах Леонида Андреева он умел подчинить свою творческую волю [illegible] психологическим замыслам драматурга и режиссуры. Созданные им образы Войницкого («Дядя Ваня»), татарина («На дне») или Давида Лейзера в «Анатэме» Л. Андреева — неотделимы от истории Художественного театра. Роли Бернардо (?) в [illegible], профессора Лазарева (?) в «Страхе» Афиногенова, председателя суда в «Воскресении» Л. Толстого блестяще завершают длинный список сценических созданий А. Л. Вишневского.

Его любовь к театру была огромной и неутомимой. Большая половина труда отдал он русской сцене. И творческие интересы Художественного театра, которым он посвятил себя целиком, были его личными интересами, личными волнениями и радостью.

Вл. Немирович-Данченко, В. Добронравов, В. Качалов, О. Книппер-Чехова, И. Москвин, А. Тарасова, М. Тарханов, Н. Хмелев, О. Андровская, К. Еланская, В. Ершов, А. Зуева, Л. Коренева, Б. Ливанов, М. Лилина, М. Прудкин, В. Станицын, В. Топорков, Ф. Шевченко, И. Гремиславский, М. Кедров, Н. Подгорный, Н. Телешева, А. Дмоховская, С. Калинин, В. Орлов, С. Халютина, К. Бабанин, М. Фадеев, Н. Гудков, Т. Красновская, С. Мозалевский, А. Шереметьева, Н. Литовцева, В. Месхетели, Е. Калужский.

Редакционная коллегия:
С. ГЕРАСИМОВ, Т. ЗУЕВА, Е. КОВАЛЬЧИК, А. СОЛОДОВНИКОВ, А. СУРКОВ, А. ФАДЕЕВ (отв. редактор).

В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ НА ЭКРАНЫ КИНО-ТЕАТРОВ
ВЫПУСКАЕТСЯ НОВЫЙ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ФИЛЬМ

СТАЛИНГРАД

ПЛАН ФИЛЬМА — Л. ВАРЛАМОВ, А. КУЗНЕЦОВ. ТЕКСТ — В. ГРОССМАН.
РЕЖИССЕР — ЛАУРЕАТ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ Л. ВАРЛАМОВ.
Снимали кинооператоры группы кинохроники Сталинградского и Донского фронтов.
Производство Центральной студии кинохроники 1943 г.

Адрес редакции и издательства: Москва, Спиридоновка, 2 (для телеграмм — Москва, Литискусство); телефоны: отв. секретарь—К 4-61-45, отделы литературы, искусства, кино—К 4-62-24, К 4-64-61, информации и секретариат—К 4-60-02; издательство—К 4-76-02.
Типография издательства «Московский большевик», Чистые пруды, 8.
Б509.